

Игорь Петраков

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

том 43

Лекции по советской детской литературе. Часть 2.

Рецензии и статьи из журнала «Литературоведение и критика».

Ознакомительный фрагмент.

Омск 2026

В сорок третьем томе потрясающего воображение Собрания сочинений Игоря Петракова вы найдете продолжение легендарных Лекций по советской детской литературе а также избранные статьи из журнала «Литературоведение и критика».

Лекции по советской детской литературе 2.

Предисловие ко второй части «Лекций».

Как известно, первая часть моих «Лекций по советской детской литературе» была опубликована на сайте «Самиздат» и в 24 томе моего Полного Собрания Сочинений. Она заняла около 120 страниц и рассказывала о произведениях, адресованных детям, созданных советскими писателями во второй половине двадцатого века (за исключением, пожалуй, «Тимура и его команды» и «Республики ШКИД»).

«Хорошая была литература, детская советская литература, - писал Владислав Крапивин в девяностые годы, - Несмотря на излишнюю пропаганду коммунистических идей, она все-таки была очень психологична, очень богата проблемами, интересными героями. По своему литературному уровню она была гораздо выше детских литератур других стран. Но у нас же как пойдут крушить-ломать. Начали бороться с социалистическими идеями, а покрушили и все остальное» (цитата из моей работы о цикле «В глубине Великого Кристалла»).

В этом томе моих Сочинений я расскажу о еще более чем двух десятках произведений советской детской литературы. Их тексты в основном почерпнуты мною из «ветхозаветных» журналов «Пионер», из интернета, а также из Детской энциклопедии Кирилла и Мефодия (версия 2011 года).

Предыдущая, первая часть была популярна у читателей, получила отклики и просьбы продолжить работу в этом направлении. Ну что ж, вот вам, ребята, продолжение.

Список произведений.

Владислав Крапивин. Выстрел с монитора. Застава на Якорном поле.

Гуси-гуси, га-га-га... Оранжевый портрет с крапинками.

Илья Москвин. Форвард - в защиту.

Марина Москвина. Не наступите на жука.

Кир Булычев. Сто лет тому вперед. Каникулы в космосе, или Планета

Пять-Четыре. Путешествие Алисы. Речной доктор. Разум для кота.

Булат Окуджава. Прелестные приключения.

Евгений Велтистов. Золотые весла времени, или Уйди-уйди.

Лия Симонова. Круг.

Ирина Карнаухова. Наши собственные.

Татьяна Александрова. Домовенок Кузька. Кузька в новом доме. Кузька в лесу. Кузька в гостях у Бабы Яги.

Александр Лесь. День исполнения желаний.

Сергей Михалков. Дядя Степа. Дядя Степа и Егор. Дядя Степа милиционер. Мы с приятелем. Прививка. Про мимозу. 36,5. Фома. Щенок.

Корней Чуковский. Айболит. Бармалей. Краденое солнце. Крокодил. Мойдодыр. Муха-Цокотуха. Тараканище. Путаница. Телефон.

Юрий Сотник. Крокодиленок. Райкины пленники.

Владислав Крапивин. Выстрел с монитора.

Действие повести начинается на борту парохода «Кобург», пришвартованного к станции Лисьи Норы. Перед нами – Пассажир, один из главных героев повести. Он находится в каюте парохода, когда туда входят Мальчик и его сопровождающая Анна Яковлевна. «Это был мальчишка лет одиннадцати, узкоплечий, но круглолицый, толстые губы, нос сапожком, глаза цвета густого чая. В глазах этих еще держалась недавняя напряженность и досада, но на Пассажира мальчик глянул без хмурости, с нерешительным любопытством: что вы за человек? Правда поладим?»

Пассажир читает книжку Гюго («Человек, который смеется»), а потом предлагает Мальчику полистать «Огонек». Мальчик немного читает, но после откладывает журнал. Он чувствует, что Пассажира что-то беспокоит. Пассажир признается, что у него – «остеохондроз». Мальчик просит пассажира лечь на живот и принимается за лечение. Во время того, как Мальчик лечит Пассажира, между ними завязывается разговор. В частности, Мальчик рассказывает, как жил в гостях у Анны Яковлевны:

— По-всякому жил. Анна Яковлевна эта... Ну, она со своим характером. Вся такая, будто из прошлого века. И с меня стала требовать, чтоб всегда поглаженный, причесанный... Вставать по часам, ложиться по часам. С десяти до одиннадцати, каждый день, зубрежка немецкая... И всегда «извините» и «пожалуйста»... И вилкой не брякать... о старинные тарелки...

— Просто как Гек Финн и вдова Дуглас, — вздохнул Пассажир. — Помнишь?

— Ага... Ну нет. Наверно, все-таки не совсем так.

Мальчик рассказывает, как катался на «акваплане» и бутылхнулся в воду. Часы, которые были у него в кармане (их Анна Яковлевна дала, чтобы Мальчик следил за временем и вовремя приходил домой), промокли и сломались. Мальчик поссорился с Анной Яковлевной и засобирался домой.

После беседы выясняется, что боль в спине у Пассажира прошла.

Мальчик поднимается на корму. Там располагается группа студентов. Студенты под гитару поют песню про мальчика Митю (убиенного царевича). Пароход в это время как раз проплывает мимо Углича (как говорил А.Липин, «Маленькие дети, ни за что на свете Не ходите в Углич в ножички играть»).

Пароход проплывает мимо лесистого высокого мыса, на котором виднеется одинокий силуэт мальчишки. Мальчику кажется, что силуэт движется. В эту же секунду на палубу падает монетка. Проходящая мимо буфетчица заявляет, что монетка – ее и забирает ее. Пассажир, который тоже поднялся на палубу и сидит рядом с мальчиком, явно раздосадован.

Пассажир говорит своему спутнику, что фигура мальчишки на обрыве, которую он видел – это памятник. На мысе когда-то располагался целый старинный город. О нем Пассажир обещает Мальчику рассказать, когда они спустятся в каюту.

Итак, в каюте Пассажир начинает рассказывать мальчику про Город. «Он и правда был построен во времена рыцарей. Место подходящее... С той поры в городе осталось много всякой старины: красивые здания, церкви, два замка. Арки каменных мостов над расселинами и оврагами, которые пересекают склоны холма... На обрыве, где сейчас памятник, стоял артиллерийский форт. Улицы поднимались от подножия холма к вершине. Порой это были даже не улицы, а широкие и узкие лестницы с площадками, тропинки среди садовых решеток и гранитных стен с колоннами и нишами. В нишах стояли чугунные фигуры древних святых и воинов, закованных в доспехи. А главная улица охватывала холм спиралью. Она несколькими витками шла от набережной со зданием магистрата до площади с маячной башней. Башня была круглая, с громадным стеклянным шаром наверху».

Именно в этом городе жил мальчик по имени Галиен Тукк. О нем Пассажир написал историю в тетради. Ее-то он и начинает читать Мальчику.

Первый эпизод истории – мальчишки (в том числе Галька и Лотик) ныряют в реке. Лотик во время одного из нырянов обнаруживает на дне монетку. По ободку надпись «Свободный город Светлая звезда», а посередине – портрет мальчишки, чем-то похожего на Гальку. Лотик дарит монетку Гальке.

Второй эпизод – мальчишки отправляются к мадам Валентине, местной ученой даме, имеющей скандальную репутацию в научном сообществе. Мадам Валентина рассказывает им эпизоды своей биографии (как ее с треском уволили из школы, где она, кажется, преподавала географию). Мальчишки просят ее рассказать что-нибудь о найденной монетке.

Пока мадам Валентина ходит за чаем, один из мальчишек (Вилли) хватается осевой хронометр (это такие песочные часы, в которых никогда не кончается время) и переворачивает его вверх ногами. Струйка песка, вопреки законам физики, продолжает бить – но теперь уже снизу вверх. Возвратившаяся мадам Валентина отбирает у мальчишек хронометр, попутно замечая, что «с этим не шутят».

Она утверждает, что Вилли замкнул время в «маленькое колечко». И что из этого выйдет, остается только догадываться.

Третий эпизод – мальчишки играют в «перевертыши» (битком перевертывают монетки). Галька отдает монетку в «десять колосков» (ту самую, с изображением мальчишки, которую выудил со дна Лотик), чтобы отыграться и... проигрывает, конечно же. Довольный Нагель кладет монетку с профилем мальчишки на рельсы трамвая, чтобы трамвай ее расплющил и получилась «медаль».

Вскоре появляется трамвай. Его ведет усатый Брукман. Галька вперивает взгляд в трамвай и как будто пытается его остановить. И действительно, трамвай тормозит в метре от монетки. Потом подается назад и катится. Брукман напрасно «давит рычаги» - трамвай его не слушается. Брукман спрыгивает с трамвая и устремляется к Гальке. Тем временем на повороте три вагона срываются с рельс – и катятся вниз по склону.

«Вагоны подпрыгивали, переворачивались, как сброшенные с горки игрушки. Как их задержать, остановить?.. Средний вагон застрял между вековыми вязами, задний налетел на него, встал торчком, лег сверху. Передний оторвался и продолжал кувыркаться».

«Ну стой же!!!» Вагон перевернулся еще раз, покачался вверх колесами на тонких столбиках крыши, лег набок и замер. Галька, всхлипывая, вытер лицо».

Гальку как преступника ловят и запирают в гимназическом карцере (в подвальной комнатке с решеткой в оконце). К нему приходят Лотик и

Вьюшка (маленькая сестра Гальки). Они разговаривают через окно. Лотик возвращает Гальке монетку, которую он подобрал с рельсов.

— Возьми! — отчаянно прошептал Лотик. — Она же все равно твоя... Я загадал, чтобы она из беды тебя выручила...

— Правда? — Это была все-таки надежда. — Ну, давай...

Полицейский Груша затем все-таки отводит Гальку домой. Галька ночует (перекусив ужином, который приготовила мама) в мансарде, в комнате брата Эрика. Наутро приходит посыльный с бумагой: «Галиену Тукку надлежало в три часа пополудни явиться на заседание магистрата».

Заседание (на которое Галька является с отцом) ведет Адам Питер фан Биркенштакк. «Это был маленький старик с красными птичьими глазками». Постановление магистрата: Галька изгоняется из родного города. В 24 часа он должен покинуть его.

Один из заседателей пробует возразить – дескать, можно было бы посадить Гальку на недельку «на хлеб и воду», этого было бы достаточно. Но Биркенштакк непреклонен: «Это не только решение магистрата, но и граждан города. Вчера наши посыльные обошли все дома, и под приговором подписался почти каждый взрослый житель Реттерхальма».

Отец по пути домой обещает отвезти Гальку в Кобург, в частный школьный пансион господина Гиневского, там Галька получит образование и так же, как после гимназии, сможет поступить в университет или военное училище.

Ночью Галька уходит из дома.

Пассажир прерывает свой рассказ. А Мальчик рассказывает ему о том, что если у Гальки есть сестра Вьюшка, то у него младшая сестра – Майка. Мама ушла в мир иной при рождении Майки. Через шесть лет папа женился на некой Зое. Майка сразу привязалась к мачехе, а о брате стала вроде как бы забывать. А ведь он лечил ее, когда у нее болела спина (этот дар «целительства» почувствовал на себе позже и Пассажир).

Затем Пассажир продолжает свой рассказ.

Галька пробирается в заброшенный рыбацкий сарай, где и ночует. Там его обнаруживают боцман и лейтенант с монитора. Галька отбирает у одного из них револьвер. Вскоре на сцене появляется офицер. Он требует от Гальки сдать оружие. Офицер представляется – его зовут капитан-командор Элиот Красс, он командир монитора.

Далее идет рассказ о мониторах (судах, бороздящих речные просторы

Юр-Тогоса и Западной Федерации), гражданской войне, в которой они участвовали, конфликте короля Наттона и адмирала Контура.

Реттерхальм был формально союзником короля Наттона. Поэтому Элиот Красс и «принял решение о рейде». Однако город находился под основательной защитой Форта. Форт, в свою очередь, обладал серьезным оружием, позволяющим отражать атаки мониторов.

У монитора есть право только на один точный выстрел, который деморализует солдат Форта и вызовет панику в городе (по мысли Красса).

Затем следует разговор Красса с Галькой. Галька заявляет, что «ненавидит» город.

— Надо проводить в город двух наших людей, - говорит ему Красс, - и посоветовать им, где отыскать опытного человека: лодочника, рыбака. Того, кто проведет ночью монитор мимо форта, в протоку. И укажет за островом подходящее место для якорной стоянки...

— А... если этот человек не захочет?

— Ну... мы ведь на войне, мой мальчик. Не стану скрывать: заставим. Галька говорит, что сам может быть этим человеком. Он знает берег как свои пять пальцев и сам проведет монитор.

Галька показывает удобное место для расположения монитора и советует нанести выстрел по зданию магистрата (там никого нет по ночам – никто не пострадает).

Артиллерист Бенецкий уверяет Гальку, что выстрел будет точным. Он даже демонстрирует ему сухой порох (длинные холщовые мешочки с черными буквами и цифрами).

После выстрела, как планируется, в дело вступят две боевые группы. Одна захватит Биркенштакка, другая осадит Форт (и солдатам Форта придется сдаться).

Перед атакой монитора Галька отпрашивается переночевать в шалаше на берегу. Там он обдумывает создавшуюся ситуацию. Затем Галька под покровом ночи возвращается на монитор и подмачивает порох.

Наутро Галька отправляется на монитор. И видит, как орудие направляется не в сторону магистрата, а в сторону форта.

— Вы обещали, что никто не пострадает! А там люди! – возмущается Галька.

— Мальчик, эти люди — солдаты. Как и мы. Идет война, без крови она не бывает.

— Вы меня обманули! — говорит Галька.

Красс отвечает невозмутимо:

— Война не бывает без обмана. Ты это знаешь не хуже нас.

Лейтенант Хариус же проходя замечает, что трюк Гальки с порохом

раскрыт. Происходит стычка между Галькой и Хариусом. Последний бьет Гальку ногой, и хочет продолжить, но его останавливает Красс.

Раздается роковой выстрел. Галька глазами цепляется за снаряд, следя, как он направляется в сторону Форта. Но губительный снаряд плюхается в воду, до Форта не долетев.

Клотт и Хариус обвиняют командора и артиллериста Бенецкого в том, что Галька якобы снова смог подмочить порох во время их дежурства. И Хариус распоряжается арестовать командора. Матросы поддерживают его.

Хариус распоряжается расстрелять Гальку. Галька высказывает «последнюю просьбу» - Хариус должен рассказать в Реттерхальме, что это Галька «все сделал». Бенецкий останавливает матросов.

Хариус и Красс планируют улизнуть на мониторе вместе с командой, но тут выясняется, что тот при осаде после выстрела сел на сваю (на что и рассчитывал Галька). Хариус обезкуражен. Командование монитором снова принимает Красс. Он вывешивает белый флаг, видя, как к монитору приближается катер парламентаров.

Красс интересуется, как Гальке удалось во второй раз подмочить порох. Галька клянется, что этого не делал.

Красс рассказывает в Форте о подвиге Гальки. Форт-майор Дрейк обнимает и целует Гальку. Он хочет проводить его в город (проклиная Биркенштакка), но Галька решает пока остаться в Форте (кстати, офицеры атаковавшего город монитора располагаются в Форте в качестве заключенных, а матросов отправляют на попечение магистрата).

В Форт к Гальке приходят мама, Лотик и Вьюшка. Они сообщают нашему герою о том, что мадам Валентина о бессовестном решении магистрата насчет Гальки сообщила в столицу. И в город приезжает королевский комиссар расследовать дело.

Галька просит у Дрейка отправить его в камеру командора.

Представитель правительства (тот самый комиссар) приходит к Гальке и сообщает ему, что решение магистрата было незаконным. Выяснилось, в частности, что трамвай «затормозил сам собой» (по неизвестной причине), и с Гальки сняты обвинения. И у Гальки теперь есть право «на ответное действие». Он может наказать своих обвинителей тем же образом, каким они наказали его.

Галька решает изгнать из города Биркенштакка (сначала он подумывает наказать всех, кто подписал петицию против него, но потом смягчается).

Через некоторое время к Гальке приходит узнавший о его решении Биркенштакк.

- Вы виноваты, хотя и невольно. В том-то и дело. Вы не хотели, чтобы трамвай ехал дальше, и он встал, - сообщает он Гальке, - Это так. Мало того. Несколько человек видели, как один из вагонов завис над обрывом, но вдруг опрокинулся назад, хотя по всем законам тяготения должен был покатиться вниз. Его тоже задержали вы, Галь.

— Как?!

— Видимо, силой взгляда и воли... Или еще как-то. Откуда мне знать природу этих явлений? Я не мадам Валентина. Но я знаю другое: жизнь в городе сбалансирована, отношения в нем ясны и просты, люди счастливы, насколько это можно в наше время. Такое благополучие достигнуто немалыми трудами. Легко ли было добиться, чтобы все притерлись друг к другу, чтобы все было налажено, чтобы даже мадам Валентина вписалась в этот уравновешенный быт. И вдруг появляется еще один койво!

«Койво» - ребенок, наделенный необыкновенными способностями. Об этом в свое время я написал статью «Дети – койво в повестях В.Крапивина «Выстрел с монитора» и «Застава на Якорном поле»» (в сборнике «10 научных статей»).

- Подмоченный порох они заменили, а бомба все-таки не долетела... - продолжает советник, - Галь, вы смотрели на летящий снаряд?

«Да! — эхом отдалась в нем разгадка. — Да! Я смотрел! Я старался удержать снаряд! Неужели такое возможно?!» Галька взглядом уперся в лампу. Есть у него такая сила? Что же лампа не шевельнется?

— Видимо, это случается лишь в отчаянные минуты, при большом напряжении души, - замечает Биркенштакк, проследив за взглядом Гальки.

Галька разрешает Биркенштакку остаться в городе с условием, что тот больше не будет выгонять детей. Тот отвечает, что это не будет больше от него зависеть, так как на днях его переизберут.

Затем Галька уходит из Форта. «Следы его в этой истории теряются. Одни говорят, что он отправился в столицу, где учился старший брат. Другие — что просто пошел бродить по дорогам, искать...»

Интересно, что в «Заставе на Якорном поле» сюжет данной повести оживает в беседе Яшки с главным героем:

- Ты, наверно, койво?

— Кто?

— А, ты не знаешь... Так у нас в Реттерхальме назывались люди, которые умеют всякое необыкновенное. Как мадам Валентина... Или вот он...

Ежики увидел на экране мальчишку.

— Кто это?

— Тот, кто принес монетку... А потом его выгнали из города. Сказали, будто из-за него сошел с рельсов трамвай, когда ребята играли у путей. Но это неправда... А потом он спас город. Остановил в полете бомбу, когда враги выстрелили с корабля.

— Как остановил?

— Посмотрел на нее, и она не долетела.

Горожане поставили памятник Гальке на мысе. Сам же Реттерхальм постепенно старел и пустел. Молодежь стала уезжать из города. «А главная причина (упадка города – ИП), пожалуй, в том, что города, которые предали своих детей, долго не живут».

Кстати, Реттерхальму посвящено одно из моих стихотворений в цикле «Прототипы». Вот отрывок из него:

Когда-то весна и когда-то здесь лето
Цвели вовсю. А теперь – лишь пустырь
В окна глядит, а из них – ни привета,
Ни тени лиц человеческих. Пыль

Ветер метет по пустынной площадке
Между домов, разлетаясь дождем.
О Реттерхальме не пишут в тетрадке,
Город забвению предан.

Но вернемся на пароход, где находятся Пассажир и Мальчик. Утром буфетчица дает Мальчику на сдачу монетку с цифрой «10» и профилем мальчишки – точь-в-точь такую, какую описал в своей повести Пассажир. Мальчик говорит, что это, наверное, его монетка и он ее обронил. «Ничего я не ронял», - отрезает Пассажир. Мальчик говорит, что не может быть такого совпадения. А Пассажир возражает, что на совпадениях и попаданиях много чего построено в мире. К тому же, по его словам таких монеток в свое время было отчеканено немало.

Мальчик и Пассажир сходят на станции Веха (пароход сломался).

Они говорят о Командоре. Мальчик предполагает, что Галька мог уйти вместе с Крассом. Пассажир рассказывает ему легенду о Командоре, согласно которой он опекает детей-койво. «Потому что они опередили время... Так говорил Командор. Говорил, что они — дети другой эпохи, когда все станет по-иному. Тогда, в будущем, каждый сможет летать, причем стремительно. Люди смогут разговаривать друг с

другом на любом расстоянии и, значит, всегда быть вместе. Не будет одиноких. Никто не сможет лишить другого свободы, потому что человек станет легко разрывать все оковы — и природные, и сделанные руками... И у каждого будет добрый дом во Вселенной, куда можно возвратиться с дороги... Это не мечта, а просто будущее» (кстати, о фигуре Командора в цикле Крапивина «В глубине Великого Кристалла» есть особая глава в моей книге об этом цикле).

Пассажиры и Мальчик находят автобусную станцию. Она расположена в старинной церкви.

— Один до Черемховска, пожалуйста, - говорит Пассажир, обращаясь к кассирше в окошечке и покупая билет для Мальчика, - Позвольте, а почему рубль шестьдесят, когда в преysкyранте рубль тридцать? Какая еще предварительная продажа, если...

— Да ладно.

Затем Пассажир и Мальчик разговаривают о Гальке.

- Ты думаешь, взял бы меня Командор? - «угадывает» мысли Мальчика Пассажир.

- Но я же не койво, - возражает Мальчик.

Но Пассажир говорит, что Мальчик умеет лечить.

- Это многие умеют.

- Я про умение чувствовать чужую боль. Ты ведь не просто меня вылечил, ты сперва почувал, что мне больно. Без моих жалоб, сам. Это дано далеко не каждому. И в этом твое преимущество перед Галькой. Галька, по словам Пассажира, чувствовал только свою боль.

У трапа парохода Мальчик и Пассажир расстаются. Пассажир на прощание дарит Мальчику куртку, которую тот укладывает в сумку.

Мальчик коротает время до отправления автобуса на пляже. Читает книгу («Человек, который смеется»), играет с мальчишками в футбол. Затем перекусывает в столовой и отправляется на станцию. На его удивление, там пустынно. «Неужели никто не едет в сторону Черемховска?» Мальчик подходит к кассирше.

Спрашивает, почему нет автобуса до Черемховска. Кассирша отвечает, что он ходит по средам, а сегодня вторник. Мальчик, убежденный, что сегодня среда, пытается спорить. Кассирша указывает ему на билет: вот и квитанция за предварительность. Перспектива куковать на Вехе сутки не прельщает Мальчика, и он берет билет до Белых Камней.

Мальчик приезжает на станцию Белые Камни. Он понимает, что совсем недалеко отсюда мыс с памятником Гальке и остатки Форты. Мальчик направляется по тропинке в лес.

«Ох, а куда его несет? Зачем? Убедиться, что на мысу есть остатки города и форты? Тронуть за плечо бронзового Гальку? И... может

быть, оставить на его плечах парусиновую куртку?

Но это все — зачем?»

Мальчик приходит на мыс. Но памятника не видит. Нет и останков Форта, даже фундамента. С ощущением обмана и пустоты Мальчик бросает монетку «Десять колосков» с обрыва. Внизу в это время проплывает пароход, похожий на «Кобург».

Уходя с обрыва, Мальчик обнаруживает в кармане куртки Пассажира ту же монетку.

«Значит, он перепутал? Швырнул в реку обычную пятнашку? Но он же ясно видел!..

А может, это другая? Наверно, у старика их было две...

Нет, она самая. Вот и заусеница на ободке!

Что это? Чудо? Совпадение? Продолжение странной игры, которая привела его на этот обрыв?»

Мальчик разводит в лесу костер. И видит, как на свет костра из темноты выходят мальчик лет девяти и девочка помладше.

Мальчика зовут Юкки. Наш герой чувствует, как у него болит нога. Он помогает Юкки унять боль. Перевязывает гостью щиколотку.

При этом роняет монетку.

На ней ночные гости узнают изображение Юхана-музыканта. Юкки назвали в честь него.

Мальчик прощается с новыми знакомыми и через некоторое (небольшое) время выходит к станции Белые Камни. Там он обнаруживает освещенную будку телефона-автомата.

Сначала он решает позвонить в Лисьи Норы, Анне Яковлевне. Предупреждает ее, чтобы позвонила домой, сказала, что он задерживается.

— А почему ты говоришь «сутки»? Ты уехал сегодня вечером! — замечает Анна Яковлевна на том конце провода.

— Я?!

— Господи, что с тобой? Откуда ты звонишь? Ты здоров?

— Разве сегодня не третье число?

— Пока еще второе... Ты где?! Сиди на автовокзале в этих Белых Камнях. Я звоню папе. Он звонит Валерию Матвеевичу, и они на его машине едут за тобой, - говорит Анна Яковлевна.

Затем Павлик (так зовут, оказывается, Мальчика) звонит в Черемховск, сестре Майке. Та тоже находится в доме одна (папа и «тетя Зоя» ушли в кино) и боится. Павлик ободряет ее. Майка требует, чтобы он немедленно вернулся домой. Павлик действительно очень хочет поскорее вернуться. Ему кажется, что он в Черемховске. Павлик выходит из будки.

«Пользуйтесь услугами... ежгравтотранспорта!» Буква «М», как всегда, не горит...

— Сию же минуту марш домой! — плакала в трубке Майка.

Павлик, обмерев, постоял секунду. Медленно повесил трубку. Вскрикнул и двумя ладонями толкнул дверь.

Тепло было в городе Черемховске. Безветренно. Пахло нагретым за день асфальтом, подсыхающими тополями, бензином и садовым шиповником с ближнего газона...

Итак, волшебным образом по воле автора повести Павлик оказывается в Черемховске. Он видит студентов с рюкзаками, чем-то напоминающих ему тех, на «Кобурге» - с песней об Угличе. Подкатывает желтый городской автобус. Павлик садится в него. На остановке, где Павлику выходить, путь ему преграждает усатый шофер автобуса и требует билет. Павлик ловко проскакивает под рукой шофера и устремляется к своему дому.

«Павлик по диагонали проскочил перекресток с одиноким фонарем. Асфальт сквозь истертые резиновые подошвы крепко бил по ступням. Угловой дом в конце квартала накатывался навстречу, как пароход. И окно на втором этаже — светилось!»

Владислав Крапивин. Застава на Якорном поле.

Действие происходит в некоем городе будущего. В начале повести мы видим мальчика по прозвищу Ежики – воспитанника Особого суперлицея – который едет в вагоне метро по Кольцу и вспоминает о своей маме, мысленно говоря с ней.

Вспоминает, как раньше объяснял маме, почему так любит ездить по Кольцу и слушать ее голос (мама объявляет на Кольце названия станций):

— Да-а... Там у тебя голос хороший, ты не сердисься, не ругаешь.

— На-адо же... — Она склоняет набок голову (капелька-сережка над плечом). — Значит, там я лучше, чем дома. Очень большое спасибо.

«Очень большое пожалуйста», — едва шевелит он губами. Так, для себя. И совсем неискренне, из остатков вредности...

— Но там я говорю свои слова для тысяч людей. И ни один из них не сделал ничего плохого. Ни один, я уверена, не доводит свою мать до нервной икоты...

Почему мать прозвала сына Ежики? Потому что он напоминал ей ежа – весь колючий, иголки наружу. Точнее – кучу ежат (которые

«визжат»).

Поезд тем временем выбирается из туннельного сумрака на освещенное пространство.

Ежики открывается обзор на Полуостров (на котором расположен город будущего) и береговую линию.

Ежики понимает, что голос матери не скажет «ничего нового», объявляя остановки. Тем неожиданнее звучит название незнакомой станции:

— Следующая станция — Якорное поле.

Ежики выходит на этой станции. Поезд здесь идет в одном направлении, встречного пути нет. Видит желтое окно в форме буквы «Т» - за ним – модель парусника.

По крутой неширокой лестнице Ежики идет со станции наружу, к выходу. Он выходит из здания станции, похожей на небольшую трансформаторную будку, но замечает, что города вокруг нет. Есть канал, облицованный серым гранитом, деревья, два больших якоря.

Ежики видит кирпичное, похожее на крепость здание. И идет к нему. В траве он видит одуванчики и якоря разных размеров. «Заросшие, ушедшие в землю почти целиком, наполовину или совсем немного, они лежали и торчали там и тут. Маленькие, как в лодке, и крупные, и громадные, как на камнях у канала».

Из-за бугра выходят трое ребят, - девочка и двое мальчишек. Они интересуются, не пришел ли наш герой сюда играть? Не ищет ли кого-то? Не «пограничник» ли он?

Ребята учат Ежики игре в шары. «Нужно было пустить по земле свой шар, попасть им по другому и тот, другой, загнать в лунку или воротца из проволоки. Лунка — три очка, воротца — пять, а через воротца в лунку — сразу пятнадцать. Кто сто очков набрал, тот и победитель».

Младший из ребят, Филипп, дарит Ежики небольшой черный якорек. И интересуется, как зовут нашего героя. Ежики не решается назвать свое имя – каким называла его мать (ведь это не для посторонних). Не называет себя и Матвеем. Это, по его мнению, «отдает лицеем». Ежики называет свое второе имя, которое раньше лишь писалось в документах:

— Юлиус... Юлеш...

— Или Юлек? — спрашивает Лис (это девочка).

— Ага...

Ежики чувствует неловкость, как от обмана, и, чтобы скрыть ее, спрашивает, откуда взялась эта станция.

— А почему не видно города?

— Холмы же, — отвечает Рэм. — И деревья. — Если забраться на башню, все видно. И город.

— А станция... ее же никогда не было! Она где? На Кольце? Или это радиус? Может, тупик какой-то?

Филипп говорит:

— Скорее уж не тупик, а тамбур...

— Наверно, она на Кольце, Юлеш... Ты ведь ехал по Кольцу? Ну вот... Раньше станции и не было, — сообщает Лис. — То есть была, но... не станция. А теперь приспособили. Поезда-то пошли три дня назад... Да, Рэм?

Ежики бросается вдруг к входу на станцию. Ребята что-то кричат ему вслед. Ежики не обращает на них внимания, возвращается в хвостовой вагон поезда и слышит голос матери:

— ...Следующая станция — площадь Карнавалов.

«Значит, все-таки Кольцо!» Догадка Ежики подтвердилась. Через одну станцию будет Главный диспетчерский пункт Кольца. Там должны все знать.

Следующая глава повести называется «Паутина. Кантор». В ее начале Ежики добирается до диспетчерской. Главный диспетчер внимательно выслушивает его.

— ...Все, как говорится, разложим по полочкам... Вы — лицеист шестого класса Матвей Радомир...

— Да... — («Господи, какая разница! При чем тут это?»)

— Вы говорите, что ваша мама погибла год назад, когда возвращалась на аэротакси-автомате из Бельга. Взорвался двигатель-антиграв...

Ежики кивает — и уносится невольно в воспоминания. Тогда «двое» (летчик и опекунская чиновница) явились к нему домой — и сообщили об этом. Они хотели забрать Ежики к себе. Из их с мамой общего дома. Ежики тогда включил силовое поле — и тем двоим пришлось несладко.

— Но послушай, мальчик... — прорывается через воспоминания голос диспетчера — Я понимаю, тебе хочется такого вот... чуда, одним словом. И ты решил, что ее записали недавно, да? Господи боже ты мой... По-твоему, значит, тебя обманули и мама где-то прячется? Но зачем это? Подумай...

Диспетчер выдвигает версию, что Ежики выдумал Якорное поле. Но Ежики чувствует порванную майку. Ее он порвал там, на станции. Значит, Якорное поле все-таки существует.

Появляется Кантор. Ежики вспоминает, как он появился и в т о т день. Тогда его кто только не «атаковал»: дама-опекунша (которую Ежики

послал «куда подальше»), грузный майор Охраны правопорядка в парадной фуражке, директриса школы.

Ежики тогда хотел связаться с тетей Асой, но видеосвязь ему отключили.

Как только Кантор появляется и представляется:

- Ректор Особого суперлицея Командорской общины. Профессор Кантор. Я делаю тебе дружеское, честное предложение... - Ежики теряет сознание (потом Ежики предполагал, что Кантор использовал парализатор, но тот все отрицал).

Ежики отвозят в клинику при лицее. Две недели Ежики проводит в клинике, потом живет в лицейском интернате «под заботливым надзором Кантора и молодого воспитателя Янца».

Осенью приезжала тетя Аса. Сказала, что они с мужем готовы переехать в мегаполис, чтобы жить с мальчиком, но Опекунская комиссия отложила решение до зимы. Пусть, мол, мальчик успокоится, придет в себя и сам примет здоровое решение. А пока нет смысла вырывать ребенка из такого замечательного учебного заведения — Особого суперлицея.

Зимой, однако, тоже ничего не решилось. И Кантор наконец объяснил ему откровенно: дамы в Опекунской комиссии злы на Матвея Радомира за тот бой, который он дал им тогда, в своем доме... Нет, он-то, Кантор, все понимает, но что поделаешь с оскорбленными чиновницами?

У Ежики, между прочим, зашкаливал Индекс воображения (есть такой тест в Особом суперлицее), - был больше, чем у всех остальных ребят. «Как его измерили, откуда взяли, что он у Матвея Радомира выше всех в лицее? Люди с воображением стихи пишут, картины рисуют, в артисты стремятся. Или музыку сочиняют». Ежики же лишь только раз сыграл в школьном спектакле Задумчивого Кролика.

Ежики шарик по карманам – якорька, подаренного Филиппом, нет. Но царапины от него есть. Значит, были все-таки и Филипп, и Рэм, и Лис.

На следующий день Ежики направляется в лицей. Он встречает Гусенка (мальчика, чем-то неуловимо похожего на Филиппа). Гусенок показывает Ежики свою находку – маленький черный якорек. Точь-в-точь такой, какой подарил нашему герою Филипп.

Гусенок говорит, что нашел его в лицейском парке. Ежики предполагает, что это Кантор выбросил якорек в окно (предварительно

обыскав карманы Ежики). Ежики говорит, чтобы Гусенок оставил якорек себе. А Гусенок дарит ему монетку с изображением мальчишки и цифры «10». Ежики вспоминает о точно такой же монетке, которую они с другом Яриком нашли в свое время.

— Ма-а, ты как думаешь, это кто? — спросил он тогда у мамы, указывая на профиль мальчишки.

— «Лехтен... стаарн», — с трудом прочитала мама. — Кажется, город такой, очень старый. А мальчик... Возможно, это связано с легендами о Хранителях...

— О ком? О святых? — Ежики глянул хитровато. — Которых ты поминаешь?

Мама нередко говорила: «Святые Хранители, это что за ребенок!.. Великие Хранители, я опаздываю на работу!..»

«Мама растрепала Ежики волосы и сказала, что научилась этим словам у его отца. Виктор Юлиус Радомир много знал о Хранителях. Это были люди, которые в разные времена героически защищали свои народы, свои города, а то и просто попавшего в беду человека. И случалось, отдавали за это жизни... Потом таких людей объявляли святыми и даже строили в их честь храмы».

Ежики вспоминает, как попал в компанию «садовых тролликов» (местных хулиганов), неудачно бросив бумеранг. Тогда те завели речь о монетах (есть ли они у нашего героя?) Ежики предложил им «10 колосков». Предводитель группы — Тын — заинтересовался монетой. Заметил, что это «антиквариат».

Ежики опомнился и сказал, что это - йхоло. То есть заветный талисман, который отбирать у владельца никак нельзя. Но тут он немного слукавил. Монетка еще не успела стать йхоло...

Троллики приказывают Ежики в течение трех дней носить им подарки, чтобы вернуть монетку. В этот период троллики приветливы с Ежики, угощают чаем. «Один раз дали даже глотнуть дыма из старинного черного мундштука с набалдашником — трубка мира, мол. Он закашлялся, поплыло в глазах».

Троллики придумывают для Ежики испытание. Для того, чтобы получить монету обратно, он должен какое-то время полежать на горячей трубе (пока сыпется песок в часах). Ежики соглашается. Его привязывают к трубе.

Троллики увлекаются игрой, забывают о Ежики. А тот воображает себя воином-иттом с Марса и почти не ощущает жара. Вернувшийся Тын кричит на своих друзей («Он же совсем изжарился!»). Время на песочных часах давно истекло. Троллики осматривают Ежики, но

ожогов не видно.

Освободившийся от пут Ежики требует монетку (попутно касаясь ногой трубы и понимая, что она горячая как электропечь).

— Отдай, — велит Тын своему другу Жиже, — Я обещал, что без обмана.

— Нету же ее... — Жижа пугается. — Я... ее...

— Что-о? Убью, киса.

— Я думал, он все равно не выдержит... Я ее вчера на излучатель поменял для фотонного самострела.

— Вот и доверяй таким. Что я теперь объясню Консулу?.. У, рожа... Гудзик и Лапочка, веревку! И... пшигу.

Услышав про неизвестную Ежики и, видимо, страшную «пшигу», Жижа орет благим матом:

— Я все отдам! Не надо!! А-а! Я ему Яшку отдам!

Тын уговаривает Ежики взять Яшку, так как монету «все равно не вернуть».

Яшка – это уникальный кристалл. Не то продукт деятельности ученых, не то пришелец с другой планеты. Он знает почти все. Например, может помочь написать сочинение, ловко имитируя стиль ученика. Может рассказывать сказки, показывать фильмы, делать расчеты.

Ежики бросается домой и вставляет Яшку в свой компьютер. Яшка ждет от Ежики, что тот будет дразниться, но Ежики надо просто поговорить.

Ежики спрашивает Яшку о судьбе, о Хранителях, о том, откуда он произошел (последнее Яшка «не помнит»).

Итак, Ежики получает монетку (точно такую, какую отдал хулиганам) от Гусенка. Радостный, он спешит к Яшке. Яшка (который некоторое время полежал рядом с монеткой) вспоминает свое прошлое.

Его вырастила мадам Валентина из Реттерхальма (смотри повесть «Выстрел с монитора»). Он вырос в обычном цветочном горшке. Но не из обычного зерна, а из редчайшей звездной жемчужины, «какие иногда прилетают на Землю из космоса в период густых августовских звездопадов». И растила его мадам Валентина не просто так. Она создавала крошечную модель мироздания. Потому что была уверена: Вселенная имеет форму кристалла...

Лотик (мальчик из Реттерхальма) любил кристалл больше других, поливал его чистой водой и даже наклеил на него желтое, в форме буквы «Т», окошко. Ведь Вселенная – дом для всех, кто в ней живет. Значит, и у его модели должно быть окошко.

Лотик сообщает, что потом мадам Валентина «перенесла город за Грань» и ушла сама. Ведь если Вселенная имеет форму кристалла, то на каждой ее Грани возможен особый мир.

- Можно уехать на другую грань на поезде? – интересуется у Яшки наш герой, - На местном. По Кольцу.

- По Кольцу все можно, - отвечает Яшка.

Ежики рассказывает Яшке историю о Якорном поле.

Пока Яшка думает, ежики останавливает гусеницу (мысленно приказав ей, чтобы не пересекала черту). Яшка замечает это и говорит:

- Ты, наверное, койво. Так у нас в Реттерхальме назывались люди, которые умеют всякое необыкновенное. Как мадам Валентина... Или вот он...

На экране появляется Галька (смотри повесть «Выстрел с монитора»). Яшка кратко рассказывает его историю.

Яшка просит нашего героя подключить его к кабелю Всеобщего Информатория. Ну, или хотя бы приложить – этого будет достаточно.

Ежики спускается в подвал лица, прикручивает Яшку к кабелю.

Через свой компьютер «Собеседник» ежики задает вопрос о гипотезе, предполагающей строение Вселенной как кристалла дежурному учителю. Тот отвечает, что это – устаревшая теория (наподобие той, согласно которой земля стоит на трех черепахах) и представляет интерес разве что в историческом плане. Ежики понимает, что у учителя ему ничего не добиться.

Ежики встречается с Кантором. Тот просит его зайти к врачу. Вместо этого Ежики отправляется на Кольцо. И слышит, как голос мамы объявляет:

- Следующая станция... Якорное поле.

Дальнейшие приключения Ежики рассмотрены мною в книге «Структуры иных миров в литературе XX века». Приведу большую цитату из нее.

Кронверк - загадочное место на станции "Якорное поле", где оказывается Ежики, и где ему не удастся встретиться с мамой, хотя он и предпринимает для этого определенные усилия.

"Рэм говорил: с башни виден город. И можно будет наконец сообразить: в каком же квартале мегаполиса это Якорное поле? Вблизи кирпичные стены с окнами вовсе не казались приземистыми. А башня стала совсем высоченной (вспомним колокольню, где лазил Фаддейка из "Оранжевого портрета с крапинками", - И.П.) В ней был арочный проход с воротами из решетчатого железа. На них висел кованый средневековый замок. Но в левой створке ворот оказалась калитка —

тоже из железной решетки с завитками. Ежики осторожно пошатал ее. Петли завизжали, калитка отошла.

Под кирпичными сводами было сумрачно и неуютно, даже мурашки побежали. Шумно отдавалось дыхание. В конце прохода видна была серая, из валунов, стена, из нее торчали ржавые петли (наверное, для факелов). Идти туда не хотелось, да и незачем. Нужно было на башню. Ежики потоптался, зябко поджимая ноги. И увидел справа и слева, в кирпичной толще, узкие двери. Обе они были приоткрыты (железные створки даже в землю вросли).

В таких случаях для Ежики не было вопроса, в какую сторону идти. В любой игре или когда бродил по незнакомому саду или среди запутанных улиц, если приходилось выбирать дорогу, он сворачивал налево. Мама говорила, что это у него с рождения запрограммировано: всегда поперек, всегда против часовой стрелки. И сейчас он, конечно, шагнул в левую дверь".

В левой створке ворот - калитка, затем - левая дверь. Не православному это... Никто и не удивится, что идя на этот риск, Ежики не достигнет поставленной цели. С другой стороны - а что ему терять? "Потянулась наверх лестница — почти в полной темноте, среди тесных кирпичных стен. Ежики насчитал сорок две ступени и четыре поворота, когда забрезжил свет. За аркой открылся широкий коридор с окнами на две стороны. Он плавно изгибался.

Коридор явно уводил от башни, но иного пути не было. Не спускаться же обратно. Ежики осторожно пошел по холодному чугуну плит".

Итак, пространство за левой дверью напоминает лабиринт, со все тем же готическим оформлением, но - лабиринт. Темный, холодный, неуютный. Почти как пресловутый Сумрак.

"Их рельефный рисунок впечатывался в босые ступни. Под высоким сводчатым потолком шепталось эхо. Изогнутые балки перекрытий поднимались от пола между окнами и на потолке сходились стрельчатыми арками.

Слева светило в узкие окна совсем уже низкое солнце. И видны были все те же пригорки, деревья вдали и небо. Никакого города. Справа — тоже небольшие холмы, но слабо различимые. Небо стало там совсем вечерним, и луна теперь сделалась гораздо заметнее — розовая, выпуклая".

Пространство слева удивительно, пространство справа - слабо различимо.. Слева - необыкновенные холмы вместо города (слабое удивление - а ведь должен же был быть город). И все к тому же освещает изменчивая луна -

О, не клянись луною,
раз в месяц меняющейся -
это путь к изменам.

"Странно все это было: слева почти день, справа почти ночь. И этот коридор — будто внутренность дракона с ребрами. И полное безлюдье".

Было отчего Ежики впасть в отчаяние - справа туман, а слева - нет знакомого города.

"Тревожное замирание стиснуло Ежики. Такое же случалось, когда он забирался в старые подземелья с надеждой отыскать редкости и клады. Но там он был не один и к тому же точно знал, где он.

А здесь? Зачем он сюда попал, куда идет?

Желание повернуть назад, помчаться прочь стало упругим, как силовое поле. Он остановился. Уйти?.. А там, сзади, что? Лицей, прежняя жизнь. Вернуться в нее, ничего не узнав? Но... маленькая надежда, о которой он боится даже думать... она тогда исчезнет совсем.

И кроме того, что написано на ребре монетки! «На Дороге не останавливайся! Через Границу шагай смело!» Ну, пусть не совсем так, но смысл такой!

Ежики ладонью прижал карман с монеткой. То ли ладонь была горячая, то ли сама монетка нагрета — толчок хорошей такой теплоты прошел по сердцу. И Ежики зашагал быстрее. Не бесконечен же путь! Куда-нибудь приведет!"

Ежики расшифровывает слабо освещенный коридор как часть Дороги, которая должна привести его к маме. А то, что не видно города в левых окнах - не так уж и страшно.

В квадратном зале с потолком-куполом Ежики подпрыгивает и достает рукой до большой люстры. Из нее вылетает воробей (почти как в повести Стивена Кинга «Темная половина», воробьи у Стивена Кинга названы "психопомпами", которые переносят души в Иные миры).

Ежики затем входит в пустую комнату, в которой часы показывают какое-то неправильное время. Перепутанное время - один из признаков нестабильного, пограничного мира. Это признак того, что Кронверк - вовсе не часть Лугов. И Ежики еще предстоит преодолеть пространство для того, чтобы добраться до них.

В комнате находится также телефон. Ежики поднимает трубку и слышит голос мамы:

— Ежики... — сказал близкий, очень знакомый голос («Ежики!»). —

Ежики, это ты?

«Он задохнулся. Оглушительно застучали старые часы. Но сквозь этот стук донеслось опять:

— Ежики, это ты, малыш?

— Да...

— Ежики... В дверь налево, потом лестница на третий этаж. Там комната триста тридцать три. Беги, малыш, беги, пока светит луна...» Ежики направляется на третий этаж этого странного здания, находит комнату 333. В ней он встречает Кантора, незнакомого человека и доктора Клана.

В следующей главе Ежики лежит на кровати с закрытыми глазами и слышит разговор Клана и Кантора (которого Клан почему-то называет консулом):

— Тише, прошу вас...

— Тише или громче, какая разница... Вы говорили, там пустыня, редкие поселки на уровне позапрошлого века и всего несколько сотен людей, нет ни одного инженера. А они вон что отгрохали.

— Всегда можно ошибиться, если имеешь дело с Сопредельем...

— Это верно. А мальчик вот не ошибся. Ухватили в последний миг. И какой ценой! Генеральная блокада ради одного мальчишки...

Клан сетует на то, что они потратили много энергии. Кантор говорит, что зато они поставили заслон. А через три дня «Грань выйдет из меридиана» и все будет тип-топ.

Походя Клан замечает, что они лишили Ежика матери и дома – и ради чего?

- Будущим детям нужны не родители, а наставники. И мы призваны нести этот крест, - возражает его собеседник, - Вы добровольно приняли заповеди Командора

На следующее утро Ежики просыпается в палате. За ним ухаживает медсестра Клара. Появляется врач (не Клан) с ассистентом.

- Я не понимаю: зачем меня здесь держат?! – говорит ему Ежики, - Я здоровый...

— Э, голубчик! Мы, врачи, все эгоисты. Мы тоже хотим работать. Ни одного больного в лицее за все лето, и вдруг — такой подарок. Дайте нам попрактиковаться на вас с недельку...

Затем появляется Кантор. Он говорит, что тетушке Ежики разрешено опекунство, и через три дня тот может отправиться «домой». Кто-то, по его словам, пожаловался во Всемирный комитет охраны детства. Ежики понимает, что это сделал Яшка через Всеобщий Информаторий.

Ночью Ежики просит у сестры Клары фонарь и спускается в подвал, откуда извлекает Яшку. Он приносит его в палату и разговаривает с ним, используя монетку как отражатель. Яшка подтверждает, что это он отправил жалобу куда надо. Между делом Яшка сообщает нашему Ежики:

- Я – звезда. Еще не вспыхнувшая.

- Я должен вспыхнуть. А ты мне поможешь, - добавляет Яшка, - Ты сам себя не знаешь. А я чувствую — ты сможешь, ты же койво... Ты мне дай только первый толчок. Запусти из чего-нибудь или подбрось. И толкай взглядом!

Яшка желает лететь в бесконечном космическом пространстве и встретиться с такой же песчинкой, летящей со световой скоростью, после чего «вспыхнуть» (сомнительная перспектива, честно говоря – ИП).

Ежики засыпает и видит во сне маму. Видит, как они играют в саду, вредный Ежики прыгает на один конец катапульты, после чего его мама (привидевшаяся ему совсем молодой) легко улетает ввысь. Ежики плачет, говорит, что не хотел этого.

— Да знаю я, знаю... — Теперь мама большая, сидит на краю постели, гладит его плечо. Он хватает ее пальцы двумя руками.

— Ты уже приехала?

— Нет, я приеду утром. А пока я тебе снюсь...

Ежики просыпается. Выясняется, что Яшка всю ночь бодрствовал над файлами Всеобщего Информатория.

- Я ничего не знаю о Сопределье, о его законах. Об этом нигде ни слова, - сообщает он Ежики, - И в Информатории... В нем все — только про здешнее пространство...

— Яшка, я не понимаю!.. Ведь Якорное поле — оно же есть!

— Оно-то, видимо, есть, — невесело отозвался Яшка. — Я не знаю про другое...

— Про что?

— Есть ли там... твоя мама.

Яшка советует Ежики отправиться на Якорное поле в третий раз.

Когда наступает ночь, Ежики с Яшкой прыгает со второго этажа (из окна своей палаты). Необходимо запустить Яшку в космос.

Он перекидывается с Яшкой парой слов, после чего запускает его из катапульты в небо. И подталкивает взглядом, чтобы Яшка набрал скорость.

Затем Ежики видит в темноте домик с горящим маленьким окошком. Домик освещает свечка, в люльке лежит якорек, а рядом с домиком сидит Гусенок.

- У всякого живого должен быть дом, верно? – спрашивает его Гусенок.

Ежики соглашается. Гусенок рассказывает, что у него есть сестренка (совсем как у героя «Выстрела с монитора»). Ежики накидывает ему на плечи куртку и собирается уходить. Он планирует третий раз поехать на Якорное поле.

Гусенок желает Ежики Счастливой Дороги.

Ежики возвращается в палату. Утром он пытается открыть окно, чтобы снова сбежать через него, но окно не поддается. В палату заходит Кантор (он же Консул). Далее следует пространный диалог между Ежики и Кантором, в ходе которого Ежики упрекает Кантора в том, что он хочет навязать всем людям единственно верную, по его мнению, «всеобщую гармонию мира» (это выражение Ежики подслушал в речи Кантора, когда сам лежал на кровати с закрытыми глазами после посещения Кронверка). Кантор замечает, что современное общество больно, и спасти его могут только дети. Такие дети станут неуязвимы и будут владеть «тайнами пространства и времени», а, может, даже тайной бессмертия.

Ежики замечает, что ему в первую очередь необходима мама, а уже потом бессмертие.

- Здесь я безсилен, - говорит Кантор.

— Чтобы куда-то отправить маму, силы нашлись!!

— Я понимаю. Сквозь сон... или как там называет это доктор... вы слышали наш разговор. Наш давний теоретический спор о кризисе современной семьи. Все перепуталось у вас в голове, фантазии с явью...

— И поэтому доктор куда-то исчез! Может... туда же?

Кантор говорит, что доктор заболел, но его при желании можно навестить. А сам Ежики не кто иной как «генератор силового поля». Когда к нему в дом пытались проникнуть опекуны, летчик и другие – был отключен генератор силового поля – но Ежики сам держал его «какой-то неведомой силой». «Как же вы тогда прошли?» - спрашивает Ежики.

— Я... многое умею, мальчик. Но гораздо больше будете уметь вы, когда разовьете свои способности. И мы с вами... и с другими вам подобными... сможем наконец кое-что сделать на планете... Матиуш, это ли не цель жизни? Ну, согласитесь...

— Ладно! Если только вернете маму...

Кантор настаивает, что никакого Якорного поля и Кронверка не существует. И он не может вернуть Ежики маму. Ежики предлагает Кантору поехать по Кольцу вместе с ним. И проверить.

Они едут на станцию (с Кантором и воспитателем Янцем), садятся в поезд. Ежики замечает, что названия станций объявляет не мама, а незнакомый голос. После Солнечных часов следует «Площадь Карнавалов» (вместо Якорного поля).

Ежики пытается еще раз. Кантор отвозит его на Солнечные часы. Янц встречает на Площади Карнавалов. И на этот раз чужой голос и никакой новой станции.

Тогда на станции Площадь Карнавалов Ежики прыгает с платформы на полотно. «Магнитная резина спружинила под кроссовками. Как пластик стадионной дорожки.

— Радоми-и-ир!!»

Крик Янца, конечно, не останавливает нашего героя. Ежики устремляется против Кольца.

И замечает, как в тоннеле навстречу ему движется поезд.

Когда поезд приходит на площадь Карнавалов, Кантор успокаивает взволновавшегося Янца. Янц предполагает, что мальчик спрятался в какой-то нише в туннеле и теперь нужно его найти (на поезде нет никаких следов столкновения).

— Прекратите истерику, болван... И не дергайтесь, там нет никаких ниш, - шепчет ему Кантор.

- Но он же спасся, верно? – спрашивает Янц, - Ведь на поезде... никаких следов, да?..

— Боюсь, что он все-таки пробился.

— Я... не понимаю...

— И я не понимаю. Ведь он пошел по часовой... Как же он сумел?.. Хотя, конечно, масса встречного поезда...

— Господин ректор, он жив? Мне... нам не придется отвечать?

— Если жив — придется... Ведь он уведет многих, а главное — приведет тех.

В следующем эпизоде книги мы видим Ежики на некоем лугу.

А еще цвиркал где-то рядом одинокий кузнечик, хотя погода была для кузнечиков не самая подходящая. Стоял прохладный, пасмурный, близкий к вечеру день. Впрочем, хотя и пахло дождиком, но трава была суха, а за рябью облаков угадывалось солнце. И было ясно, что скоро оно проглянет в щель чистого неба между облачным краем и горизонтом.

Ежики идет по тропинке. Навстречу ему – паренек на велосипеде.

- Ты – Ежики? – уточняет он.

- Да.

- Поехали.

- Куда ехать?

- Домой, конечно, - усмехается паренек.

- А...

— Поехали, — без усмешки уже отзывается паренек. — Она ждет. Извелась вся...

Паренек представляется Рэмкиным братом и интересуется, почему на Якорном поле Ежики сразу не назвал свое настоящее имя.

- Не было бы никаких хлопот. А то — «Юлеш»...

Ежики спрашивает можно ли взять с собой еще и мальчишку в красных сандалиях (Гусенка) и его сестренку.

— Можно, конечно... Только он не пойдет, его многие звали, не хочет.

— Почему?

— Ну... так. Своя дорога...

— Он ведь не навсегда в пограничниках, — насупленно продолжает Рэмкин брат. — Найдет сестренку и отправится дальше... Ну вот... смотри, кто идет.

Владислав Крапивин. Гуси-гуси, га-га-га...

Действие происходит в государстве Западная Федерация в недалеком будущем. Здесь «правят бал» индексы. Каждому гражданину при рождении присваивается личный индекс. По нему проходят зарплата и социальные выплаты. Уголовные и административные наказания сведены к одному – шансу, что твой индекс выберет Машина и «пригласит на казнь». Для административных нарушений шанс мизерный – один на миллион. Для уголовных – побольше.

Главный герой – Корнелий Глас. Живет вместе с женой Клавдией. У него также есть дочь Алла (уже взрослая, вышла замуж второй раз).

В один прекрасный день Корнелий обнаруживает в почтовом ящике «Предписание», предлагающее ему явиться к месту проведения казни (его индекс выбрала Машина – сыграл один миллионный шанс – Корнелий не там перешел дорогу).

В частности, бумага гласит: «Муниципалитет предупреждает Вас, что при неявке в тюрьму и попытке уклониться от предписанной акции Вы будете доставлены под конвоем и подвергнуты казни по уголовному разряду в соответствии со статьей 100/3 действующего законодательства. В этом случае Ваше имущество подлежит конфискации и родственники лишаются права наследования».

Корнелий смотрит на бабочку, которая летает рядом – и завидует ей (по его мнению, бабочка проживет дольше, чем он).

Индекс граждане Западной Федерации «излучают» (каждому новорожденному вводится специальный препарат для этого). Некоторые дети не восприимчивы к препарату – их воспитывают отдельно от родителей, в специальных интернатах и называют «безындами».

Далее идет рассказ о детстве Корнелия. Он был в классе изгоем («мулей») и носил кличку Дыня. Особенно любил издеваться над Корнелием местный вожак по кличке Пальчик.

Муля-дуля, паровоз,
В голове один навоз... -

Эта песенка надолго привязалась к Корнелию. Из воспоминаний детства Корнелия вырывает звонок телефона. Звонит его сослуживец (по рекламному агентству) Рибалтер.

— Ну, как настроение? — спрашивает хихикающий голос Рибалтера.

— Успокоился? Или снова будешь бросаться стак...

— Пошел к черту, гадина! — отвечает ему наш герой.

Корнелий открывает зубам бутылку крепкого напитка для мужчин «Дракон». Делает несколько глотков. Вспоминает о своих родителях (ушедших в мир иной – «А может, он в самом деле есть, лучший мир? Скоро узнаем... Х-хё, х-хё, х-хё...»).

Утром Корнелий принимает прохладный душ. Похмелье после «Дракона» почти уходит.

Выходит из дома.

— Удачи тебе, Корнелий, — добродушно желает ему в спину автомат-прикатник. С шорохом задвигается калитка.

Корнелий доходит до муниципальной тюрьмы и толкается в проходную будку.

— Да-а, братец. «Повезло» тебе... Держи. — рассмотрев предписание, говорит стражник, затем звонит по телефону, — Господин старший инспектор! Тут такое дело, не поверите. «Миллионер» явился!.. Да честное слово!.. Не-е, улицу не там перешел.

Корнелий направляется в комнату, где сидит старший инспектор Мук. Тот оформляет бумаги, ворча, что Исполнитель бывает в понедельник, а Корнелий пришел в субботу.

Нашего героя провожают в камеру.

Камера просторная. Белая. «Окно большое, решетка — с завитками, как в старинном замке».

— А вон там, на полке, значит, электробритва. Только втыкать надо в коридоре, тут дырок нету... - говорит охранник Гаргуш, - И гальюн тоже в коридоре, в конце...

— Запирать-то, выходит, не будешь?

— А на кой? — удивляется Гаргуш. — Гуляйте хоть по всей территории, радуйтесь белому свету. Только за проходную не суйтесь. Вечером скучающий инспектор Мун приглашает Корнелия отужинать с ним вместе.

— Две бутылки «Изумруда», — предлагает инспектор. — И банка морской капусты, чтобы зажевать. Посидим, а? Понимаешь, муторно одному.

— Пойдем... верный страж мой, — ухмыляется Корнелий.

Во время трапезы Мун рассказывает, что его зовут Альбин. «Того мальчишку тоже звали Альбин», - вспоминает Корнелий.

Альбина Ксото, новичка, появившегося в классе Корнелия, Пальчик назначил новым «мулей». Корнелий тогда вздохнул с облегчением — муля в классе мог быть только один.

— Ты его не бойся, — ласково учили нового мулю «доброжелатели», говоря о Пальчике, — Если он делает вот так... — следует рассчитанный удар «под чашечку», и муля стучается коленками о паркет, — то ты его вот так! — И «наставник» помусоленным пальцем ввинчивает в мулино темя болезненную «грушу».

— У, гад! — Альбин вскакивает, левой рукой держится за ногу, правой беспомощно замахивается на обидчика.

Тот отпрыгивает, сокрушенно ищет справедливости у собравшихся:

— Вы видели? Я ему помочь хотел, а он...

Когда настает пора классу идти в поход, Альбина назначают «котельщиком» (самая хлопотная должность). Корнелий вызывается быть его помощником. Альбин заболевает, в поход не идет, и Корнелию приходится взять на себя его обязанности (например, драить посуду). В конце похода Пальчик хвалит Корнелия: «А ты ничего, жильный».

После похода следуют дни на даче на окраине Руты. Там Корнелий встречает Альбина, которым там не муля, а равный среди равных.

Они дружат. Альбин (или Халька) рассказывает нашему герою про «черные зеркала простанств» и теорию Космического Кристалла:

— Это... есть ученые, которые считают, будто вся Вселенная — громадный кристалл. Очень сложный. В нем бесконечное число

граней...

— Зеркал?

— Ну... вроде бы. Только с этими учеными мало кто соглашается, их даже запрещают.

Затем Альбин показывает Корнелию трюк, подтверждающий неоднородность мира.

Он берет с досок стеклянный осколок и стебель одуванчика. Поднимет их на уровень лица (на осколке зажглась искра). Медленно и ровно сближает их — стебель перпендикулярно стеклу. И... «Тонкий трубчатый стебелек тихо, но без задержки прошел насквозь через пластинку стекла! Это было по правде! Это случилось в полуметре от изумленных глаз Корнелия. И Корнелий онемел».

Корнелий удивляется, как с такой способностью творить чудеса Альбин позволил сделать себя в классе «мулей».

Затем речь идет о «зонгах» - законсервированных объектах научных групп. Пространствах, где якобы происходят всякие чудеса, где можно встретить привидения, например. Проникать в зонги строго запрещалось, в том числе и мальчишкам. Но такое проникновение среди ребят считалось неформально верхом «мальчишеской доблести».

Вот и Корнелий и Альбин собрались вместе с группой ребят в один из таких зонгов.

Корнелий отчаянно трусит перед проникновением в зонг (за такую провинность могут отправить в спецшколу). Чтобы не участвовать в вылазке, он наступает на торчащий из доски гвоздь и сказывается больным. Ребята сочувствуют ему.

Группе не удается «погулять» по зонгу. Сторожа замечают ребят. Те бросаются врассыпную. Но Альбин все же добирается до расположенного в зонге колодца и заглядывает в него (мальчишки рассказывали, что в нем видно звезды других миров).

— А... звезды? — интересуется у Альбина Корнелий.

— Там не звезды. Там что-то такое, вроде отражения месяца в воде, когда она колеблется.

— Но ведь месяца-то не было!

— В том-то и дело. Да это и не месяц. Потом вода будто успокоилась, и это, желтое, то, что светилось, оно вроде сделалось как окошко. Ну, будто маленькое, домашнее такое окно в глубине горит. И рама как буква «Т» (смотри повесть «Застава на Якорном поле»).

У колодца Альбин теряет дорогой ему значок — «оло». Вскоре значок обнаруживают. Директор приносит его в класс (прекрасно зная, чей это значок). Спрашивает у ребят, кто оставил значок в зонге (надеясь,

что они не выдадут своего товарища). Если не выяснится, кто был обладателем значка, его реквизируют.

— Это мой, - говорит Альбин, - Это я был в зонге... Теперь отдайте, пожалуйста.

Альбина исключают из колледжа. Вскоре Альбин с отцом и матерью уезжает из Руты.

На следующее утро наш герой выходит пройтись во двор муниципальной тюрьмы (думая, что у него есть еще время, как говорил один персонаж мультфильма «Остров сокровищ»). Здесь его встречает Мун. Он говорит, что нашел исполнителя – практиканта.

— ...Пацан совсем, практикант... Но что хорошо: он и сделает все, и за врача распишется, потому как медик.

Когда наши герои оказываются в конторе, там они обнаруживают пьяного в стельку практиканта.

- Не могу. Боюсь, - объясняет свое поведение тот. Мун ругает его, в досаде замечая:

— Шприц раскокал, паразит. И главное, ампулу... Что теперь делать? Временно (пока не приехал исполнитель приговора) Корнелия Мун определяет в интернат для безындексных детей, который находится здесь же, рядом с муниципальной тюрьмой.

Дети, как оказывается, любят играть в «гусей», читая при этом считалочку:

Гуси-гуси, га-га-га!
Улетайте на луга!
Там волшебная трава,
Там не кружит голова...

Гуси-гуси, га-га-га!
Берегитесь врага!
До лугов далекий путь,
Не садитесь отдохнуть...

Корнелия им представляют как обычного воспитателя. Утром дети встают на построение (выстраиваются в шеренгу перед Корнелием).

— Ну... и что я должен делать? – спрашивает наш герой.

Антон глядит быстро, удивленно:

— Проверить, как заправлены постели, господин воспитатель.

Один из мальчиков протягивает руки ладонями вверх к Корнелию.

- Ты что?

— Десять горячих, господин воспитатель, — полушепотом говорит мальчик. — За то, что во время сна держал руки под одеялом.

Корнелий отказывается бить мальчика.

- Тогда можно и Гурика не наказывать. Ну, он в постель... У него бывает.

Дети рассказывают Корнелию, что в интернате бывает два вида наказаний: порка ремнем и наказание шприцем. Причем шприцем больнее.

Ребята говорят, что после инъекции человек «все забывает». Корнелий думает, что это ему подходит, - и делает себе инъекцию. И испытывает заметную боль. Почти ни о чем он не может думать, кроме нее.

Ему на помощь приходят дети. Советуют выпить горячей воды. Или набрать воздуха и считать до ста. «Тогда быстрее пройдет». Корнелий распоряжается выкинуть шприцы и ампулы, использующиеся для наказания детей, в мусоропровод.

Корнелий знакомится с одним из учителей, преподающих детям в интернате. Рассказывает ему, что якобы решил подзаработать. Учитель предлагает выпить. Корнелий отказывается. Тогда учитель просит его последить за детьми, нажать вовремя кнопку на компьютере, чтобы они прошли урок.

Затем следует разговор с Альбином. Тот сообщает, что индекс с Корнелия уже снят, приговор считает приведенным (формально) в исполнение. А когда он фактически будет «осуществлен», неизвестно. Альбин послал жене Корнелия Клавдии банку с золой – это, мол, все «что осталось от вашего супруга».

Дети не любят учить уроки, как видит Корнелий. Больше любят смотреть фильмы или гулять. Во время одной из таких прогулок – игр насаживает ногу на острый сучок маленькая Лючка. Корнелий обрабатывает рану (обезболивающий раствор, тампон, бинт). И видит, как к нему спешит Альбин. Тот сообщает, что привезли нового мальчишку – безынду.

Мальчика зовут Цезарь. Его привозят штатские чины Управления.

- Пока ты поживешь здесь.

— Почему — здесь?! Разве это клиника?

— Это школа. Закрытая спецшкола для обследуемых детей. В клинике сейчас не все готово к твоему приезду, и...

— Вы говорили, что отвезете меня к профессору Горскому! Вы солгали!

— Я не солгал, голубчик. Просто изменились обстоятельства.

Цезарь пытается бежать, но его ловят.

- Я хочу видеть папу и маму!

— Папа сейчас в длинном рейсе, а мама... в санатории на Побережье.

Мальчик не верит, что мама и папа могли бросить его. Корнелию сообщают, что у мальчика был индекс, но пропал. Теперь власти в затруднении: не знают, что делать с ним.

В интернате Цезарь объявляет голодовку. Улан Гаргуш приносит ему продукты «с воли»: булку хлеба и молоко. Изголодавшийся Цезарь «набрасывается» на них.

Корнелий рассказывает Цезарю о своей ситуации. Цезарь советует ему сбежать в храм Девяти Щитов.

— Они укрывают тех, кто не виноват.

Корнелий усмехается:

— Это ребячьи легенды. В детстве я и сам верил таким сказкам. Ну, в старину, возможно, был такой обычай, про Хранителей много легенд рассказывают. Но сейчас-то, в эпоху всеобщей электроники...

Цезарь сердито перебивает:

— Те, кто служат Хранителям, не подчиняются эпохам. И Машине тоже не подчиняются.

В следующем эпизоде повести Корнелий слушает, как старший из детей, Антон рассказывает младшим сказку про гусей. Ее герой маленький рыбак («Цыган? Нет, рыбак. Пойдем в погоню?») Он просит гусей унести его в сказочную страну – на Луга. Гуси берут его с собой. Но во время полета у уставших гусей заканчиваются силы. Они хотят есть. Мальчик отдирает куски мяса со своих ног – и кормит гусей. Наконец гуси с мальчиком приземляются на Лугах.

Гуси выплевывают куски мяса, а старый вожак смачивает их волшебной слюной. В результате мальчик снова цел. И что он видит?

Мужчина идет и женщина и девочка с мальчиком. Волосы у них желтые, глаза синие, а лица добрые. А впереди рыжая собака бежит, хвостом машет. Глаза у собаки золотистые, язык розовый, и она будто смеется. Гуси тут как закричат:

«Люди-люди, га-га-га! Мы вам мальчика принесли с дальней стороны!» И улетели.

Маленький рыбак стоит и не знает, что делать. Собака подбежала, стала теплым языком последние ранки на нем зализывать.

А девочка спрашивает:

«Ты чей?»

Он говорит:

«Ничей, сам по себе. Меня гуси принесли...»

Женщина говорит:

«Хочешь с нами жить?»

Он как побежит, как обнимет ее...

Мужчина говорит:

«Я буду твой отец».

Мальчик говорит:

«Я буду твой брат».

А девочка:

«Я буду твоя сестра».

А собака ничего не говорит, только хвостом машет, но и так все понятно...

Вот и вся сказка...

Дети мечтают найти человека, который увел бы их на Луга. Потому что про гусей – это сказка, но Луга, по их мнению, реально существуют. Туда обещал их привести знакомый мальчишка Вик (когда они были чуть помладше), но ушел сам (с помощью зеркал), а ребят не взял.

На одном из уроков Цезарь подключается к ВОТЭКСу (мировая информационная сеть) с помощью компьютера. Оттуда он узнает, что ни в какой рейс его отец не уходил. «А Бим ответил, что мамы и папы нет дома уже третий день. Что они, если я позвоню, просили не волноваться». Бим – это, как поясняет Цезарь, их домашняя электронная машина.

Корнелий тоже решает подключиться к ВОТЭКСу. Он спрашивает у него, может ли рассчитывать на помилование, ведь формально приговор приведен в исполнение. Юридическая служба отвечает, что нет. Спустя несколько минут появляется Мук и предостерегает нашего героя от подобных попыток обращения в юридическую службу в дальнейшем (каждая такая попытка фиксируется, и у Мука могут быть проблемы).

Антон просит от имени ребят у Корнелия купить в лавочке за углом булочки с изюмом – они очень вкусные, по их мнению, в столовой таких не дают. Мадам Эмма и Валентин им разрешали – на сэкономленные деньги. А лучше – пусть Корнелий сам сходит в лавочку и купит им булочек (ребята не знают, что Корнелий – приговоренный, думают, что он – свободный человек).

Корнелий решает выйти «за стену». А тут за ним увязывается Цезарь. Цезарь просит позвонить из телефона-автомата друзьям его родителей

(там находится якобы его отец) и протягивает Корнелию монетку «10 колосков» для этого.

На улице Корнелия замечает улан на диске (на них разъезжали эти суперполицейские Западной Федерации). Корнелий опять перешел улицу в неподобающем месте. Улан хочет взять у него индекс. Корнелий пускается наутек. Уланы – за ним.

Корнелий устремляется в храм Девяти Щитов. Там он встречает человека в длиннополой одежде.

— Вас преследуют? – спрашивает тот.

— Да... — всхлипывает Корнелий.

— Вам грозит гибель?

— Да!!

- Успокойтесь. Здесь вам ничего не грозит.

За Корнелием закрывается мощная решетка. Снаружи появляются уланы.

— Эй вы! Святые отцы! Выпустите этого!.. Который к вам прибежал! Живо! – кричат они.

Священник сообщает им, что теперь беглец под защитой храма. Уланы грозятся сломать решетку. Священник отвечает, что она под напряжением.

Корнелий рассказывает священнику свою историю.

- Хотите уйти совсем? – предлагает тот.

— Я... не понимаю.

— К другим людям, в другую страну. Там нет закона о выдаче. Это совершенно иной мир. Вижу, что не разумеете. Попытаюсь объяснить. Возможно, это прозвучит неправдоподобно, однако... вы слышали о теории многомерности миров?

— Вы говорите о Лугах?

Корнелий пересказывает священнику сказку о Лугах. Священник отвечает, что луга там тоже есть, как и города, и деревни. Нет одного – индексов. Священник (его зовут отец Петр) рассказывает нашему герою о Реттерхальме, о том, как мадам Валентина перенесла его в «Зазеркалье».

Корнелий говорит о том, что хотел бы взять с собой в этот «иной мир» детей из интерната. «Это... наверно, можно. Больше дюжины, крупный переход, решать должен Круг Настоятелей, но нет времени. Я обязан рискнуть», - отвечает священник. Он называет время, к которому Корнелий должен подойти с детьми (время Открытия врат).

Корнелий возвращается в тюрьму. Там его уже поджидает Альбин Мук. Он сообщает нашему герою, что через сорок минут должна прибыть проверяющая комиссия. Нельзя, чтобы они обнаружили

Корнелия в тюрьме. Альбин где-то раздобыл ампулу с ядом и предлагает Корнелию проследовать за ним, чтобы он мог привести приговор Машины в исполнение.

Корнелий заманивает Альбина в свою камеру, где бьет его по голове железным ключом. Альбин «отключается».

Корнелий заходит за ребятами, велит им одеваться. И вскоре вместе с ними выходит за ворота интерната. Он сообщает детям, что они отправляются на Луга.

Внезапно идущий вместе со всеми Цезарь артачится и говорит, что ему нужно вернуться к маме и папе. Найти их. Корнелий отпускает его.

Корнелий и дети приходят вовремя. Но момент уже упущен, Врата закрылись.

— Вот, мы здесь. Мы не опоздали, мы точно, - говорит Корнелий Петру.

— К сожалению, опоздали. Вы не виноваты, «врата» закрылись раньше. Компьютер ошибся в расчетах, точные сроки трудно предсказать. Пойдемте в келью.

Отец Петр (кстати, в нем наш герой узнает своего друга детства и тезку Мука – Альбина) предлагает детям и Корнелию укрыться в таверне за Старой башней. Там их должны встретить друзья.

Петр (Альбин) снабжает Корнелия своим значком, сохранившимся у него с детства. Его Корнелий должен предъявить как пропуск хозяину таверны (а тот потом вернет его обратно Петру).

Корнелий делает так, как велит Петр. Находит таверну (детей он оставил у железнодорожной насыпи). Предъявляет хозяину значок Альбина.

— Ва, ты от Петра... Я тебя слушаю. Что надо делать? – интересуется хозяин.

— В туннеле под насыпью тринадцать ребятешек. Безынды. Надо увести... туда.

— Ва... И тебя?

— Естественно, — буркает Корнелий сердито.

— Ва... так много. Такого еще не было. Один-два было. Надо думать. Надо спросить Алексеича.

— Витька сделает, — подает голос от очага девушка по имени Анда.

— Своей дорогой, поездом. Чего там...

В таверне наш герой встречается с неким Моховым. Он рекомендуется как пришелец из-за Грани. Он рассказывает Корнелию о жизни за Гранью, о научных исследованиях, касающихся сопредельных миров. О том, что давно борется с властями Западной Федерации. Рассказывает легенду о Командоре.

Появляется Витька – сын Мохова. Хозяин таверны (его зовут Кир) говорит Витьке:

— Вот человек от Петра. Витка, надо увести к вам группу. Тринадцать человек. Девочки-мальчики, как ты.

— Что с ними?

— Безындексные ребята из тюремной школы. Здесь они обречены.

— Надо, значит, надо. Если не испугаются на товарном поезде, на открытой платформе... Вы — с ними?

Оказывается, Витька может лечить людей (как мальчик Павлик Находкин из «Выстрела с монитором»). Корнелий просит его вылечить маленькую Тату, поранившую ногу.

Витька начинает. «За полминуты в полном и внимательном молчании все было закончено. Глубокий, сочившийся сукровицей разрез плотно затянулся, превратился в красноватый рубчик».

— Вот и все. И бинтовать не надо.

Когда настает пора уходить на Луга, Корнелий решает остаться в этом мире. Ему нужно помочь мальчику Цезарю вернуть родителей.

- Витька, береги ребят! – говорит он, когда дети взбираются на железнодорожную платформу.

— Ага... — довольно беззаботно отзывается он.

— Ай, что делаешь, — быстро говорит Кир. — Зачем остался?

— Ва... — усмехается Корнелий. — А кому я там нужен? Поздно заново жить, не мальчик. Попробую здесь, насколько хватит...

Корнелий возвращается в храм Девяти Щитов. Келья настоятеля пуста. В центральной части храма Корнелий находит убитого Петра. Он сжимает в руках автоматический пистолет. Когда Корнелий поднимает Петра, чтобы перенести его, из сутаны выпадает запасная обойма. Корнелий подбирает ее вместе с пистолетом.

Корнелий хоронит Альбина в специальной нише в храме. Затем решает отправиться искать Цезаря. «Цезарь жил в районе Малого Кронверка, на Второй Садовой линии. В доме номер одиннадцать. Этот адрес (а точнее, адрес штурмана Лота), в течение нескольких секунд связавшись со справочной службой, выдала Корнелию супермашина в таверне у Мохова. Ничего, кроме адреса, у Корнелия не было».

У дома Корнелий видит Цезаря, которого остановил улан. Корнелий достает автоматический пистолет и приказывает улану «стоять и молчать». Улан оказывается его знакомым – Дуго Лобманом. Он когда-то учил Корнелия на курсах. Дуго решает проверить индекс Корнелия, но излучатель индекса не ловит. Дуго думает, что его излучатель сломался.

— Марш вдоль улицы и не оглядываться! Или я стреляю на счете «три», - командует улану наш герой.

Корнелий и Цезарь убегают от Дуго и направляются на такси на Перешеек – на Артиллерийскую улицу, в парк.

— Вы думаете, что у вас по правде исчез индекс? – спрашивает Цезарь у своего спасителя, - Я просто отключил у сержанта уловитель.

«Да!.. Выброшенная вперед ладонь (похожая на ту, что венчает храм Девяти Щитов, только маленькая), выгнутая в защищающем порыве... Неужели правда? Он это может? Или фантазия мальчишки?»

- И давно ты научился так шутить с уловителями?

— Да я и не шутил. Сперва я просто открыл, что могу издали зажечь и выключать лампочки. Потом электронные часы остановил. Протянул руку и... мне от мамы тогда попало. А уловитель был папин, служебный. Я не вытерпел, попробовал. Он — крак. Папа не сердился, только велел молчать про это. Ох, а я проболтался вам.

В парковых кустах Корнелий замечает скульптуру мальчика. Цезарь сообщает, что это памятник Галиену Тукку (смотри повесть «Выстрел с монитора»). Цезарь говорит Корнелию, что тому надо уйти вслед за ребятами. А сам он поедет в столицу – искать маму и папу.

Затем Цезарь рассматривает пистолет Корнелия. Спрашивает его, правда ли он убил бы улана, который хотел его схватить. Корнелий говорит, что да.

— Уланы убили моего... лучшего друга. За то, что он помогал таким, как ты и я... — добавляет Корнелий.

Внезапно на склоне парка появляется наш старый знакомый – инспектор Альбин Мук.

— Да ты же ничего не знаешь! Послушай! Ты оправдан! Ты ни в чем не виноват, это все твой дружок подстроил! С бумагой-то! Рибалтер! – восклицает он, приближаясь к Корнелию.

Альбин рассказывает, что бумагу с приговором подделал Рибалтер, чтобы подшутить над Корнелием. «Весельчак!» Сначала думал, что Корнелий уехал в столицу (такую информацию распространили на их общей с Корнелием работе). Потом, когда пришла урна с прахом, «съехал с катушек». Когда отлежался, пришел с покаянием. Скоро Машина, по словам Мука, вынесет ему приговор – один шанс из миллиона, но наоборот (один шанс на спасение).

Мук предлагает отдать Цезаря ему.

- Его родителей сам черт не выцарапает на волю. Они же в Лебене.

— Где?

— В Лебене! Институт генной техники и нейроинженерии. Там спецотдел закрытого типа. Наверняка выкачивают у мамы с папой, не

по их ли вине исчез у сыночка индекс. Не в наследственности ли дело.

— Не в наследственности!

— Там узнают, в чем именно. Специалисты...

— Сволочи вы.

Наши герои отпускают Мука восвояси (тот на прощание советует мальчику сменить башмаки – по ним его засекли со спутника), а сами устремляются в дом к Рибалтеру.

Корнелий велит Рибалтеру покормить Цезаря, а сам идет к Капусу – компьютеру Рибалтера.

Тот сначала удивляется, почему у Корнелия пропал индекс, потом все же признает его за своего, сличив отпечатки пальцев.

Корнелий запрашивает информацию о Лебене. Высчитывает вместе с разговорчивым компьютером, какова вероятность похитить оттуда родителей Цезаря (учитывая то, что у них с Цезарем уже нет индекса) и увезти их обратно в город.

- Выскочим здесь, - предлагает компьютеру план Корнелий, - пустим автомобиль под обрыв, а сами скроемся в лесу? Поверят уланы, что мы погибли?

— На какое-то время... Пока не достанут машину.

— Как скоро достанут?

— Глубина большая. Вызов спасателей... Обычная склока между моряками и уланами, согласование. Сутки уйдут.

— Чтобы дойти от Лебена до Реттерберга лесами, надо около трех суток. Поймают?

— Я посчитаю... Вероятность, что поймают, ничтожна. В институте известно, что заключенные имели индекс. Будут искать по индексам. Никто не заподозрит, что индексы исчезли и пятеро беглецов идут пешком по лесу в Реттерберг. С точки зрения уланской логики это идиотизм.

Но тут компьютер уточняет – беглецы поедут на авто Рибалтера? Наш герой говорит, что да. – Тогда задача не решается, - печально заявляет компьютер, - автомобиль Рибалтера не даст больше 90 миль в час, а необходимо 120.

Впрочем, есть один вариант, продолжает компьютер, но некорректный. Один из беглецов может задержать погоню, «пожертвовав» собой (тогда все остальные спасутся). Корнелий думает, что эта «роль» ему подойдет.

По просьбе Корнелия, Цезарь стирает индекс Рибалтеру, и они отправляются в путь.

В Эпиллоге автор высказывается по поводу судьбы нашего героя не

однозначно. Фрагмент письма директора обсерватории «Сфера» гласит: «Это некий Корнелий Гулс (или Голс), типичный обыватель из Реттерберга, лишь волею случая оказавшийся замешанным в события, которые привели к развалу Машинной системы в так называемой Западной Федерации и соседнем с ней Юр-Тупосе (или Тагосе). По официальным данным, он был казнен в муниципальной тюрьме Реттерберга из-за ошибочного обвинения, по другой версии (более романтической) погиб в перестрелке, прикрывая от полицейской погони какой-то автомобиль с беглецами. Объективности ради следует упомянуть мнение нашего младшего научного сотрудника Михаила Скицына, который утверждает, что Корнелий Голс (или Галс) после упомянутой стычки на шоссе был схвачен живым, бежал, стал одним из функционеров командорской общины „Элиот Красс“, но затем вышел из нее, мотивируя свой поступок тем, что охранять следует не только детей с необычными свойствами, а детство вообще... Якобы он создал группу „Белые гуси“. Но это утверждает Скицын, а вы ведь знаете нашего Мишеньку».

Ирина Карнаухова. Наши собственные.

Повесть начинается с описания санатория-здравницы для детей «Счастливая долина», который организовала врач Ольга Павловна. Здравница расположена в сосновом и еловом бору, в пятидесяти километрах от города.

Пока здравница не открыта на лето, автор предлагает нам подробнее познакомиться с ее обитателями.

1. Муся – самая младшая. Семь лет. Веселые глаза и непрерывно двигающиеся руки и ноги. Помогает Василию Игнатьевичу сажать «какое-то хилое растеньице», придерживая стебелек.

2. Василий Игнатьевич. 65 лет. «Борода лопаткой, седые волосы густым ежиком, глаза подслеповатые». Завхоз здравницы. Подтянутый, сухонький старичок.

3. Леша – знатный лентяй, который командует (временно) Василием Игнатьевичем и Мусей:

- Больше сыпьте чернозему! Муся! Левай, левай, тебе говорят, тетеха!

4. Юра – он же Юматик (юный математик).

5. Пинька, верный друг Юры, его, так сказать, Санчо-Пансо. Трезвый и рассудительный.

6. Гера, 17 лет. Знает все тропинки и болотца окрестных лесов. Охотник. В стрельбе может поспорить с любым снайпером. Всему его научил отец – лесник, погибший в войне с белофиннами (интересно,

что бы сказал по этому поводу Владимир Набоков?).

7. Анна Матвеевна, старушка, сестра-хозяйка здравницы.

8. Хори, ненец. Приехал с Севера, где «боролся с волками, ловил семгу в устье Печоры».

9. Таня - дочка главврача. Окончила девятилетку. Сидит за книгой, готовясь поступать в вуз (1 августа – экзамены).

10. Катя, 10 лет, ничем не примечательна.

Еще есть одноглазый петух и котенок Тишка.

В первой главе рассказано о «веселом утре» в санатории. Таня просыпается и предвкушает приезд мамы. Лиля разговаривает с Мусей. Лиля напоминает Мусе красивую принцессу.

- Скучно и неудобно как-то, - жалуется Лиля Мусе.

Анна Матвеевна слышит это и раздражается. Мол, неудобно, а у нее «занавески не повешены и поварихи нет». А приезжать раньше времени уютно?

Юра и Пинька вешают плакат «Добро пожаловать». Юра пишет слово «Добро» с ошибкой, и Лиля говорит, что букву в слове нужно исправить. Лиля встает с дивана (где она лежала с книжкой) и собственной рукой поправляет написанное. Появившаяся Таня говорит:

- Лиля! У тебя постель не прибрана.

Лиля отвечает, что и дома никогда не стелила постель. Таня хочет застелить постель за нее.

- Не смей за нее стелить, - преграждает дорогу ей Гера, - Фря! Другие за нее работать должны! Буржуйка какая!

Пинька и Леша тем временем начинают прибывать плакать. Им помогает Юматик. Всеми тремя командует Леша:

- Не так, Юрка! Выше, теперь ниже! Пыхтишь как паровой молот, крыса маринованная!

Юрка вешает плакат косо. На помощь приходит Хорри. Он быстро и ловко прибывает плакат. Лиля хвалит Хорри. Леша иронизирует над ним. Юра возмущается: мол, сам Леша только ругаться да командовать умеет.

- Как мой папа, - отвечает Леша, - Он директор.

- Директор чего?

- Универмага. А твой?

- Заведущий, - отвечает Лиля.

- У... мелочь! Заведующий? Чем?

- Кафедрой (знаем мы этих заведующих кафедрами, - ИП).

Потом начинается аврал.

- Два часа! – кричит старушка, - Через час все будут здесь, а у нас еще

ничего не готово.

И только Лиля спокойно сидит на диване и читает книжку.

Но в этот день ни Ольга Павловна, ни педагоги в здравницу ни приезжают. Напрасно ждут их «подметенные и посыпанные золотистым песком дорожки». Ребята слоняются по дому без дела. Все томятся ожиданием.

Солнце уходит за лес. Анна Матвеевна предлагает ребятам отведать приготовленные для гостей пирожки. Лиля отказывается:

- Я никогда не ем на ночь теста.

Анна Матвеевна предчувствует: что-то случилось. Таня спрашивает ее, привезет ли мама сетку и шахматы.

- Ничего она не забудет. Все привезет. Да перестань ты нервничать, Танюшка! Ничего худого не случилось. Просто покупок много, а, может быть, поезд опоздал...

Анна Матвеевна предлагает завхозу сходить с Пинькой до проселка и в сельсовет. Они уходят. Анна Матвеевна разговоривает с Хорри:

- Скажем, заболела... так педагоги бы приехали. Поезд опоздал – так не на сутки же... Верно, Хорри?

Хорри вспоминает, как у них «гуси кричат», «чайки птенцов выводят», олени гуляют, саами по тундре едут, кричат «аароу».

Появляются через два часа Василий Игнатъевич и Пинька.

- Это не торф горит, - произносит Петька.

- Это война, - добавляет Василий Игнатъевич.

- Это война... это с Германией, - продолжает Петька, - Они всю прошлую ночь бомбили... Город горит. И завод горит.

Таня спрашивает у завхоза, где ее мама.

- Мы будем ее искать. Мы найдем. Обязательно найдем.

- Мама! Мамочка моя! – бросается Таня к Анне Матвеевне.

Гера говорит, что из санатория нужно уходить. Туда, где народ, а там скажут, что делать. Надо идти в Синьково, оттуда их «дальше отправят».

Василий Игнатъевич говорит, что останется в доме:

- Я ведь все под расписку принимал... и мебель, и матрасы, и вот часы... Это ведь ненадолго – неделя-другая – и погонят их.

Ребят собирают. Готовят кипяченую воду для малышей, заплечный мешок каждому. Муся и Катя путаются под ногами:

- А я зубную щетку возьму!

- А я Мишку: я без него спать не могу.

Таня проверяет каждого. Помогает, подтягивает лямки. Как пишет автор, сотни тысяч ребят «по воле страны» наденут вскоре наплечные мешки и направятся на восток.

Вскоре появляется Костик (Костя-пастушок). На нем разорванная пыльная рубаха, ноги покрыты грязью торфяных болот. Лицо в ссадинах.

- Ты откуда?

- Из лесу.

- Почему домой не идешь? – интересуется Анна Матвеевна.

- Дома нету... Спалили. Фашисты.

- А мы вот в Синьково идем.

- Синькова нету. Спалили.

- Придется идти по проселку в Брагино.

- Брагина нет. Спалили.

- Есть еще тропка в Глебово.

- Разбомбили.

- Выходит, идти-то некуда?

- Некуда, - подтверждает Костик.

Ребята ложатся спать. Автор рассказывает о Лиле. Ее отец, по ее мнению, увезет ее отсюда, как увез с Белоострова, когда разразилась война с финнами. Лиля сожалеет, что она уехала в санаторий, не попрощавшись с бабушкой. Далее идет лирическое отступление о всех бабушках мира. Их лица покрыты морщинами, ноги шаркают по полу. Бабушки заботятся о своих внуках. А те... «Ты совсем не замечаешь тех забот и ласки, а от мелочей ты раздражаешься. Не так ступила! Уронила книгу! Разбила чашку! Три раза задала один и тот же вопрос!» И внуки не думают, что может наступить разлука с бабушкой.

Таня собирает всех ребят на «общее собрание». Приглашает и двух «стариков». Она говорит, что ребята не должны выходить за ограду здравницы. Например, сегодня ночью Юматик и Пинька собирались бежать на фронт. «Василий Игнатьевич перехватил их у ограды».

Таня распределяет работы между детьми, потому что «Анне Матвеевне одной не справиться»:

- Мальчики будут носить воду и поливать огород, а девочки убирать в доме и на кухне. Это все ненадолго.

Хори замечает, что он еще и в саду работать будет.

- А почему девчонки не будут воду таскать? – интересуется недовольный Леша.

Юматик отвечает ему, что у девчонок бицепсы в 10 раз слабее. Это анатомия.

- А чихать мне на твою анатомию!

- То есть как это на науку чихать? Ты балда стоеросовая!

Далее Таня говорит, что ребята должны соблюдать полную тишину. Не привлекать внимания врагов. Не кричать. Не петь.

Таня командует всем мыть руки перед завтраком. Леша артачится и с вызовом глядит на Таню.

- Иди сейчас же!

Леша обмякает, опускает глаза и все же идет к умывальнику.

Далее следует разговор Анны Матвеевны и Василия Игнатьевича. Завхоз сетует на то, что они сами избаловали детей – «все им... и лучший кусок, и дворцы, и стадионы, и школы, и театры».

- Растут, к работе совсем не приучены, - соглашается Анна Матвеевна.

Из кухни прибегает Катя и заявляет, что посуду мыть не будет. Нет воды. Анна Матвеевна и Василий Игнатьевич направляются к колодцу... И вскоре уже посуда моется.

Когда вечером ребята приходят к ужину, Таня им сообщает:

- Ужина не будет.

- Как это не будет?

- Потому что дежурные не принесли воды и не налили керосину в керосинку, не почистили картошку.

Все укоризненно смотрят на Пиньку и Лешу.

Возвращается Гера. Весь осунувшийся и «почерневший», сгорбленный. Анна Матвеевна идет к нему в комнату. Выходит и говорит детям:

- Ребятушки. У Геры все убиты: и мать, и братишка...

Вскоре Гера выходит из комнаты и начинает бродить по столовой.

Мимо проходит Лиля. Гера говорит ей: «Что ты тут ходишь?» и заявляет, что ненавидит ее.

- Тебе надо поесть, - замечает Лиля. Она накладывает для Геры кашу в тарелку.

- Не надо мне вашей еды! Не надо! Не приставай ко мне! Не трогай!

Лиля говорит, что понимает, что Гере «очень тяжело».

- Не надо мне вашей жалости!

В столовую входит Анна Матвеевна и обнимает Геру.

- Не могу я... Как вспомню Петьку.. лежит ничком, - говорит Гера, - и глаза землей набиты... а маменька его за ногу держит... и сами... проклятые! За все заплатят! За все! Посчитаюсь. Поглядим. Буду жить, пока за все не рассчитаюсь.

Проходят дни. Ребята все больше тоскуют о доме. Вещи из дома кажутся им наполненными смыслом, значительными. Когда Муся находит в Катиных богатствах черепок и хочет его выбросить, Катя

«налетает» на нее:

- Отдай! Мой! Мой это!..

Муса растерялась, разевает рот. А Катя:

- Это от чайника!.. от нашего... из дому. Понимаешь, из дому!

«Дом! Это не только четыре стены и крыша над головой. Это место, где ты родился и где руки матери касались тебя нежно, так нежно, как будто ты крохотная птичка, а не крепкий бутуз, оглушающий всю квартиру требовательным криком». Это пол, по которому ты ползал и ходил, это стол, от угла которого ты однажды ударился лбом, это мама, делающая тебе компрессы и помогающая решать задачи и отец, которым ты гордишься.

Сколько мы видели разрушенных, разбомбленных домов! – восклицает автор, - И сколько их восстановили крепкие, трудолюбивые руки, истосковавшиеся по работе!

Между тем в здравнице тают запасы продовольствия. Анна Матвеевна, Василий Игнатьевич и Таня решают сделать НЗ (неприкосновенный запас) «на черный день». В него входят: консервы, сахар, печенье, шоколад, немного конфет и сгущенное молоко в банках. Все это прячется в шкаф, закрывается на ключ, а ключ отдается Хорри (он его надевает на тесемку и вешает на шею).

Выручает пока огород – лук, редиска, салат. Но картошку пока копать рано. Анна Матвеевна вспоминает про щавель – и угощает ребят щавелевым супом – его много, ешь, сколько хочешь! Хорри собирает пестики (молодые сладковатые хвощи). Ребята опять сыты. Но сытость это недолгая.

Вечерами ребята вспоминают о котлетах, о топленом молоке с коричневой коркой, о пирогах, пирожках, кулебяках, даже о прозаической манной каше.

Хорри плохо спит по ночам – боится потерять ключ от НЗ, Плохо спит и Василий Игнатьевич. Он думает о том, что неплохо бы найти немецкое начальство, рассказать им все. «Немцев я знаю, на заводе с одним немцем работал; ничего человек был, вежливый, обходительный. Вообще, культурная нация». Завхоз считает, что немцы «подкормят» детей. И передадут нашим. Не с детьми же воюют! Но только заикнется об этом Василий Игнатьевич – тотчас обрушиваются на него и Анна Матвеевна, и Таня, и Лиля. Тогда завхоз решает подготовить большой белый флаг с красным крестом – для защиты от бомбежки.

- Мы его вывесим на крышу, - объясняет он Мусе, - Пусть знают, что у нас здесь лечебное учреждение.

Ночью в здравницу стучится Мокрина – доярка соседнего колхоза, которая приносит молоко. На сей раз Мокрина принесла узелок с едой, который собрал «народ» (яйца, хлеб, картошка, куски сала). Еще она велит детям «сидеть потише, никуда не выходить, будто уехали отсюда».

- Ну, я пойду. Я приду в следующий вторник, в это же время.
Но Мокрина не приходит больше.

На следующий день Пинька и Юматик за баней роют землянку. Они хотят спрятать туда стариков и детей, когда придут немцы. А сами они будут отстреливаться с помощью ружья Хорри. Или побегут в лес – а немцы за ними. Так они отведут удар от «беззащитных существ».

Землянка выходит хорошая, просторная. Ребята ногами утрамбовывают в ней пол. Маскируют вход. Таскают разные полезные предметы внутрь нее: треснутую кружку, алюминиевый котелок, ведро со свежей водой, запас спичек и соли.

Они совсем забыли, что в эту неделю они – дежурные по огороду. Сокрушенно смотрят на огород в это время Анна Матвеевна и Таня. Посадки поникли без воды.

- Не поливали! – резюмирует Анна Матвеевна, - Что это за дети такие?

- Что делать?

- Попробуем спасти. Сейчас уже можно полить. В бочке должна быть нагретая вода.

Но бочка пуста. Осрамились дежурные по огороду окончательно. Ребята расставляют по двору корыта, ведра, тазы, льют в них воду. Вскоре она нагревается от солнца. Все идут поливать огород. А Пиньку и Юру не допускают к работе. Их просто не замечают.

На утро Анну Матвеевну будит петух Одноглазый. Он запрыгивает на кухню и резвится там вволю, роняя кастрюльки, чашки, клюя Анну Матвеевну в босую ногу.

- Его же кормить надо, - говорит Анна Матвеевна пришедшей Тане.

- Нечем.

Анна Матвеевна решает сварить из петуха суп, а ребятам сказать, что суп – из куриных консервов.

Суп сварен. Ребята садятся за стол. Но быстро понимают, что это – Одноглазый.

- Я знаю, я не буду есть, - кричит маленькая Муся.

Никто не притрагивается к тарелкам. Приходит Костик. Приносит черный хлеб. Он обгорел на пепелище. Изба сгорела, а хлеб остался.

- А где же люди? Хозяева где? – спрашивает Муся.

- Не знаю, - отвечает Костик.

В здравнице накапливается куча немытого белья. Одних простынь 15 штук. Анна Матвеевна и Таня начинают его стирать. Обе быстро устают. Таня зовет на помощь Лилюю.

- Ну, знаешь Ольховская, - бросает та, - Предложить мне стирать чужое белье...

- А кто это должен делать?

- Ну вот она, - Лиля указывает на Анну Матвеевну.

Таня требует у нее сдать комсомольский значок.

- Берешь на себя смелость говорить от имени райкома? – усмехается Лиля.

- Нет, я говорю от имени всех честных комсомольцев.

Таня указывает на Анну Матвеевну, которая бледна и вспотела. Вскоре Лиля заходит в прачечную в халатике с засученными рукавами:

- Покажите, как это делают.

На следующий день Анна Матвеевна разворачивает активную деятельность. Заставляет надраить кастрюли, нарвать цветов и поставить в вазы, мальчиков – убрать двор и сарай. Кухня в результате вся блестит. Но в кастрюле, впрочем, та же горошница.

Ночью Лиля открывает окно вернувшемуся из леса Гере. Помогает ему взобраться на подоконник и войти в комнату. Гера просит ее собрать всех.

Гера приносит обитателям дома немецкую прокламацию – конверт. Никто не может перевести, что там написано. Наконец зовут Лилюю. Она читает:

- Приказываю всем военным чинам вверенной мне армии: первое – стрелять в каждого русского, приблизившегося к расположению германской воинской части, независимо от того, мужчина это, женщина или ребенок. Выспрашивать о местопребывании и семьях большевиков, комсомольцев и евреев. Терроризировать население, не подчиняющееся приказам германского командования...»

«Это и есть фашизм», - замечает автор повести.

Анна Матвеевна говорит, что надо жить тише воды, ниже травы – авось пронесет.

- Это гунны какие-то, звери, - замечает Лиля, - а папа говорил, что это самая культурная нация.

Когда Лиля и Гера остаются одни в комнате, Гера показывает ей свою рану на плече. Лиля обрабатывает ее.

Гера ложится на кровать. Через некоторое время его начинает знобить. Он вспоминает об отце, ушедшем на финскую войну, о брате Петьке,

убитом недавно фашистами. Мечтает о гранате – как он запустил бы ее в фашистов. Вечером Лиля приносит Гере таблетку аспирина.

Перед рассветом Гера просыпается бодрым. Рана почти не болит. Гера, выпив очередную таблетку аспирина, принесенную Лилей, вылезает в окно и отправляется в лес.

А Василий Игнатьевич обнаруживает на столе в отдаленной комнате письмо от друзей:

«Дорогие ребята. Не думайте, что вы одни. Мы знаем о вас и сделаем все для того, чтобы вернуть вас домой. Потерпите еще немного. Помните, что надо быть очень осторожными. Пусть дом выглядит нежилым».

Целый день в здравнице только и разговоров о письме (завхоз читает его всем). Ужинать садятся как на праздник, а письмо лежит в середине стола. Надо насмотреться на него, вечером его сожгут. Едят грибную похлебку и с благодарностью смотрят на Геру: думают, что это он принес письмо.

На следующий день заболевает маленькая Муся. Температура – больше 39. Во врачебном кабинете есть ампулы с лекарствами и шприцы, но никто не знает, как этим пользоваться. Мусе дают лишь валерьянку и намоченную тряпочку с холодной водой на лоб. Утром сваливается Пинька. У него такая же температура, как у Муси.

Юра ухаживает за ним. Вскоре заболевает и он. Анна Матвеевна просит Таню посмотреть в маминых врачебных книгах, что это за болезнь. Таня ищет болезни по симптомам, подходит многое.

- Ничего не могу выбрать, - говорит она Анне Матвеевне. Что угодно может быть. И тиф, и скарлатина, и корь.

- Что ты говоришь!

Ребята переносят кровати с Юркой и Пинькой в комнату Муси. Леша отказывается им помогать, говорит, что боится заразиться. «Лишний больной – лишняя нагрузка».

Приходит Гера. Меняет Мусе компресс, переворачивает ее на другой бок.

- Так я всегда Петьке делал, - поясняет он Лиле, - Они ведь, маленькие, часто болеют.

Лиля чувствует, что здравница стала ее, пусть временным, но домом. «Надо быть вместе со всеми, надо помогать Тане, надо взять на себя часть общего груза», - решает она.

Лиля вечером готовится помыть пол, и спрашивает у Тани, как это сделать. И поясняет:

- Вот мама хотела, чтобы я классиков в подлиннике читала, а пол мыть не научила.

Таня вскакивает с кровати и учит ленинградскую принцессу мыть пол. Вскоре у больных появляется сыпь, становится ясно, что это – корь. Капризный Пинька требует бульону. Юра переносит страдания стойчески (хотя температура у него то поднимается, то опускается). Мусе между тем становится хуже.

В одно далеко не прекрасное утро Анна Матвеевна сообщает Тане, что у них кончились продукты. Пора открывать шкаф с НЗ. Зовут Хорри и остальных ребят, все идут к шкафу. Таня говорит, что они сейчас откроют шкаф.

- Безобразия! – возмущается Леша, - Аварийный запас трогать нельзя. Таня ставит вопрос на голосование. Все голосуют за то, чтобы открыть шкаф (кроме Леша). Хорри дает Тане ключ. Но в шкафу нет ни сахара, ни шоколада, ни печенья. Только остались коробка какао и несколько банок сгущенного молока.

- Это кража, - произносит Анна Матвеевна.

Леша обвиняет в краже Хорри. Тот клянется, что «не ходил дорогой вора».

- Клянется, как в театре! – хохочет Леша.

Хорри убегает из комнаты.

На следующий день Лиля обнаруживает под тюфяком у Хорри несколько конфет. Никому не говорит об этом. Ребята подозревают друг друга, дружба тает и разваливается.

На другой день Василий Игнатьевич возвращается в свою комнату после работы в саду. Работал он мало, был слаб от недоедания. В комнате на столе он видит большую бутылку, наполненную подсолнечным маслом, три буханки хлеба, кусок свежего мяса, а также аптекарскую коробочку с надписью: «Мусе давать три раза в день по одной таблетке, Пиньке и Юре – один раз». Кроме того, там написано: «Мужайтесь, друзья, скоро увидимся. Друзья».

В этот день на столе – обед (куски хлеба, суп с кусочками мяса). К вечеру верят из костей холодец. Оттаявшие ребята говорят друг с другом о своем доме. Хорри начинает:

- А у нас красный чум...

- Не желаем мы слушать про твой чум, - обрывает его Леша.

Лиля читает стих о Медном всаднике, Юра – об Артеке. Шепотом все вместе поют пионерскую песню.

Мусю поят малиновым киселем (ребята отказались каждый – от половины картофелины плюс Анна Матвеевна натрусила немного сахара из мешочков). Юра показывает Мусе баночку с лягушкой, взбирающейся по лестнице, когда идет дождь. Лиля заплетает Мусе ленточки в волосы. Хорри дарит Мусе северного оленя (игрушка,

сделанная из дерева).

- А зачем тебе его олень? – говорит Пинька, - Ничего тебе от него не надо.

- Не надо! Мне ничего от тебя не надо! – повторяет Муся вслед за Пинькой – и плачет в подушку.

Хорри в это время ломает и топчет своего оленя.

- Стыдно вам, - говорит Лиля ребятам, - Это ведь не Хорри...

В сумерки приходят «друзья» - мужчина с раненым тоненьким юношей.

- Надо человека уложить, перевязать, спрятать пока, чтобы никто о нем не узнал, - говорит старший, Николай Петрович (он велит называть себя из соображений конспирации «дядей Мишей»), - Кто может за ним ухаживать?

- Лилия, - говорит Гера, - она очень хорошо перевязывает.

Таня предлагает спрятать юношу в старой баньке. Она расположена в конце усадьбы, около леса. Раненого относят в баньку, укладывают и делают перевязку.

- Гитлеровцы в этом лесу появились, - сообщает Иванович, - Мы вас хотели завтра увести, но вот из-за Сергея (так зовут раненого) придется задержаться. Напеките и нам, и вам пока хлеба в дорогу. Муки мы вам принесем.

Ребята спрашивают у Николая Ивановича о Ленинграде и Москве, Таня – о своей маме.

- Мы в городе не бываем, девочка, - отвечает Николай Иванович, - Но мы постараемся узнать.

В следующий раз дядя Миша приносит в дом ракетницу.

- Это не игрушка. Ракетница будет лежать здесь, на столе. Если у вас случится, ну какое-нибудь несчастье.. или появятся враги, - тогда выпустите ракету.

По словам дяди Миши, на большой сосне с развилкой нужно сделать наблюдательный пункт. И установить дежурство. От него освобождаются лишь девчонки и Анна Матвеевна.

Затем дядя Миша идет в баньку. Там находится Лилия. Она ухаживает за солдатом. Гость замечает, как Лилия украсила и облагородила баньку. Там он просит оставить его и Геру наедине.

- Гитлеровец с мотоциклом – твое дело? Выстрел у пруда – твое? Выстрел в Синькове – ты? – спрашивает он у Геры.

Гера признается, что да, его.

Дядя Миша говорит ему, что они собирают отряд, а Гера своими

неразумными вылазками только расшевелил фашистов как осиное гнездо. Он мог привести врагов прямо в здравницу. Из-за Геры убита Мокрина. «Целили в тебя, а погибла она». Гере очень стыдно. Он плачет.

Ночью, когда партизаны собираются уходить, дядя Миша произносит, обращаясь к Гере:

- Бери свое ружье – пойдешь с нами. Боюсь тебя оставлять здесь. Узда тебе нужна, норовистый конь.

Ночь. Анна Матвеевна и Таня пекут хлебы. Лиля помогает им. Анна Матвеевна вспоминает, что всегда была мастерицей в этом деле:

- Как заведу хлебы, так ко мне со всех сторон бабоньки бегут: «Дай заквасочки». Хлеб у меня пышный, мягкий.

Анна Матвеевна и Таня месят тесто, затем хлеб отправляется печься. До свету надо управиться (из соображений конспирации). Сегодня 12 буханок, да завтра 12. Таня, умаявшись, засыпает. За дело принимается Лиля. От неаккуратности она пару раз обжигает руки.

Ребята с благоговением глядят на готовый хлеб. Уж они-то знают ему цену.

На следующую ночь Гера хочет забрать хлеб, но мешков он с собой не принес. Анна Матвеевна и Таня идут искать мешки. Юра находит вместительный рюкзак Леша. Только, говорит он, нужно убрать из него ненужные вещи. Леша внезапно бросается на Юру, бьет его по лицу, пинает его ногами, ругается.

Гера разнимает мальчишек. Тут шнурок на горле рюкзака лопаается – и их него вываливаются съестные припасы (бывший НЗ): печенье, шоколад, сахар.

Леша стоит, скромно потупив голову.

- Фашист! – произносит Гера.

- Я не фашист! – кричит Леша, - я боялся, чт будет еще голоднее. Я нечаянно нашел старый ключ, а он подошел к шкафу. Я так боялся...

На следующий день Костик (заступивший на дежурство на наблюдательном пункте) замечает в лесу фашистов:

- Скорей! Враги! Раке... - кричит он.

В ответ ему из леса раздается автоматная очередь. Костик падает с сосны вниз, на землю. Но его крик услышали все.

Фашисты врываются в дом и начинают там хозяйничать. Офицер замечает буханки хлеба и интересуется, для кого они – их так много.

- Для себя, - отвечает Анна Матвеевна.

Этот ответ не удовлетворяет офицера. В доме начинается разгром.

Вспарываются подушки, летят с полок книги, одежда со шкафов, посуда из буфета, склянки и хирургические инструменты.

Тем временем офицер ведет в столовой разговор с Таней и Юрой.

- Бруно Шиллер! – представляется он.

- Вы не родственник знаменитого Шиллера? – интересуется Юматик.

- А разве вы интересуетесь свинами?

- Какими свинами?

- Мой дядя имеет знаменитый свиноферма, культурный свиной ферма.

- Я совсем не про это, я про писателя.

- Это не мой родственник.

Офицер спрашивает, КУДА ребят просил убежать Костик. Требуется рассказать ему все про партизан – как зовут, откуда. Кому они запекали хлеб? Кто ходил в больших сапогах с гвоздями?

Шиллер дает ребятам 30 минут на раздумье.

Лиля была на кухне. Она решила во что бы то ни стало попасть к раненому Сергею. Ее хотел остановить солдат, но она ответила ему на немецком языке:

- Как вы смеете со мной так обращаться? Разве вы не знаете, кто я такая? Я расскажу обо всем господину Бруно.

Солдат теряется и распахивает перед Лилей дверь. Лиля прокрадывается в спальню. Теперь ей нужно добраться до окна. Она ползет под кроватями, по пыльному полу. Затем поднимается на подоконник, вылезает из окна и бежит по направлению к лесу.

Пока офицер ждет, ребята смотрят то на портрет Ленина на стене, то на Кирова. Офицер поторапливает их. Таня видит, как Хорри хватает ракетницу, лежащую на столе и убегает. Немцы стреляют ему вслед. Но не попадают, так как через минуту в воздух взвизывает красная ракета.

Немцы спешно собираются уходить. На прощание лейтенант стреляет в Таню. Та, скользя по стене, падает на пол. Кроме того, Бруно Шиллер хочет забрать с собой Катю. Его останавливает Василий Игнатьевич. Бруно стреляет и в него. Наповал. Но Катя спасена.

После того, как немцы покидают гостиную, туда устремляется Анна Матвеевна. Она берет за руку Таню:

- Жива!